

ФРЭНСИС СКОТТ

ФИЦДЖЕРАЛЬД

ПОД МАСКОЙ

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Фрэнсис Фицджеральд

Под маской

«Издательство АСТ»

1909, 1915, 1917, 1920, 1921, 1922, 1924, 1925,
1926, 1927, 1928, 1929, 1931, 1932, 1935, 1969

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Coe)-44

Фицджеральд Ф. С.

Под маской / Ф. С. Фицджеральд — «Издательство АСТ», 1909, 1915, 1917, 1920, 1921, 1922, 1924, 1925, 1926, 1927, 1928, 1929, 1931, 1932, 1935, 1969 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-149391-2

Все не то, чем кажется, – и люди, и ситуации, и обстоятельства. Воображение творит причудливый мир, а суровая действительность беспощадно разбивает его в прах. В рассказах, что вошли в данный сборник, мистическое сплелось с реальным, а фантастическое – с земным. И вот уже читатель, повинувшись любопытству, следует за нитью тайны, чтобы найти разгадку. Следует сквозь увлекательные сюжеты, преисполненные фирменного остроумия Фрэнсиса Скотта Фицджеральда – писателя, слишком хорошо знавшего жизнь и людей, чтобы питать на их счет хоть какие-то иллюзии. В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-32(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Фицджеральд Ф. С., 1909, 1915,
1917, 1920, 1921, 1922, 1924, 1925,
1926, 1927, 1928, 1929, 1931, 1932,
1935, 1969

ISBN 978-5-17-149391-2

© Издательство АСТ, 1909, 1915, 1917,
1920, 1921, 1922, 1924, 1925, 1926,

1927, 1928, 1929, 1931, 1932, 1935,
1969

Содержание

Тайна закладной Рэймонда	7
Испытание	12
Тарквиний из Чипсайда	16
Прибрежный пират	22
«О, рыжая ведьма!»	43
Лекарь	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Под маской

© Перевод. А. Руднев, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Тайна закладной Рэймонда

Джона Сайрела из «Ежедневных новостей Нью-Йорка» я впервые увидел у себя дома – он стоял перед распахнутым окном и глазел на город. Было около шести вечера, зажигались первые фонари. Вся 33-я улица выглядела сплошной линией ярко освещенных зданий. Он был невысок ростом, но благодаря прямоте осанки и гибкости движений его прекрасное сложение вполне можно было назвать атлетическим. При нашей первой встрече ему было двадцать три года, а он уже занимал должность репортера. В нем не было приторной «красивости»: лицо было чисто выбрито, а форма подбородка ясно указывала на сильный характер. Его глаза были карими.

Когда я вошел в комнату, он медленно повернулся и обратился ко мне, манерно растягивая слова:

– Мне кажется, я имею честь говорить с мистером Эганом, шефом полиции?

Я кивнул, и он продолжил:

– Мое имя Джон Сайрел, и – я буду говорить без обиняков – мне необходимо узнать все, что можно, об этом деле с закладной Рэймонда.

Я уже было хотел ему ответить, но он жестом попросил меня молчать.

– Несмотря на то, что я работаю в штате «Ежедневных новостей», – продолжил он, – здесь я нахожусь не в качестве представителя газеты.

– Ну а я здесь нахожусь, – холодно перебил я, – не для того, чтобы рассказывать о внутренних делах полиции любому прохожему или репортеру. Джеймс, проводите джентльмена к выходу.

Сайрел молча развернулся, и вскоре я услышал его шаги в прихожей.

Но этой встрече не суждено было стать последней, как покажут дальнейшие события.

На следующее утро после того, как я познакомился с Джоном Сайрелом, я поехал к месту преступления, о котором шел наш разговор. В поезде я достал газету и прочитал отчет о преступлении и последовавшей за ним краже:

«СЕНСАЦИЯ!»

«Ужасное преступление в пригороде!»

«Что думает мэр по поводу разгула преступности?»

«Утром 1 июля в городском пригороде было совершено преступление и произошла серьезная кража. Убита мисс Рэймонд, а рядом с домом найдено тело слуги.

Мистер Рэймонд (проживающий на озере Сантука) в среду на рассвете был разбужен криком и двумя револьверными выстрелами, донесшимися из комнаты его жены. Он попытался открыть дверь, но она не открывалась. Он был практически уверен, что дверь была заперта изнутри, но неожиданно она открылась нараспашку, и он увидел комнату, в которой все было перевернуто вверх дном. В центре комнаты на полу лежал револьвер, а на постели жены красовалось кровавое пятно, по форме напоминавшее отпечаток ладони. Жена исчезла, но при более внимательном осмотре комнаты под кроватью он обнаружил свою дочь, без признаков жизни. Окно было разбито в двух местах. На теле мисс Рэймонд обнаружили пулевую рану, ее голова была страшно обезображена неким острым предметом. Вне дома нашли тело слуги с пулевым ранением в голову. Миссис Рэймонд до сих пор не обнаружена.

Все в комнате было перевернуто. Ящики бюро выдвинуты, словно убийца что-то разыскивал. Шеф полиции Эган в данный момент находится на месте преступления, и т. д.»

Когда я дошел до этого места, кондуктор объявил: «Сантука!» Поезд остановился, я вышел из вагона и пошел к дому. На крыльце я встретил Грегсона, который считался у нас

самым способным детективом. Он передал мне план дома и попросил на него взглянуть, не откладывая.

– Тело слуги нашли вот здесь, – показал он, – его звали Джон Стэндиш. Он служил в доме 12 лет и никогда ни в чем не был замечен. Недавно ему исполнилось 32.

– Пулю, которой он был убит, не нашли? – спросил я.

– Нет, – ответил он и продолжил: – Ну ладно, вы лучше идите и посмотрите сами. Кстати, тут ошивался один тип, который очень хотел взглянуть на тело. Когда я отказался разрешить ему войти в дом, он пошел туда, где застрелили слугу, и я видел, как он встал на колени и стал что-то искать в траве. Спустя несколько минут он встал и пошел к дереву. Затем подошел к дому и снова попросил показать ему тело. Я сказал, что он увидит его при условии, что тотчас же после этого отсюда уберется. Он согласился. Войдя в комнату, он снова встал на колени, заглянул под кровать и тщательно все осмотрел. Затем подошел к окну и внимательно исследовал разбитое стекло. Наконец сказал, что полностью удовлетворен, и удалился к гостинице.

Исследовав комнату вдоль и поперек, я обнаружил, что для разгадки тайны я мог бы с таким же успехом все это время смотреть на мельничный жернов. Завершив расследование, я пошел в лабораторию к Грегсону.

– Полагаю, вы уже слышали о закладной? – спросил он, спускаясь со мной рядом по лестнице. Я ответил отрицательно, и он рассказал мне, что из комнаты, в которой была убита мисс Рэймонд, исчезла весьма ценная закладная. В ночь перед убийством мистер Рэймонд положил закладную в ящик, откуда она исчезла.

На обратном пути в город я опять встретил Сайрела, и он дружелюбно мне поклонился в знак приветствия. Мне стало немного стыдно за то, что я так бесцеремонно выставил его из дома. Войдя в вагон, я обнаружил, что единственное свободное место находилось рядом с ним. Я сел и попросил прощения за свою позавчерашнюю грубость. Он и не думал обижаться на меня, и, поскольку больше говорить было не о чем, мы продолжили свой путь в молчании. Наконец я решил спросить:

– Что вы думаете о деле?

– В данный момент я ничего о нем не думаю. У меня не было времени на размышления. Нисколько не обескураженный, я попробовал снова:

– Узнали что-нибудь новое?

Сайрел засунул руку в карман и продемонстрировал пулю. Я изучил ее.

– Где вы это нашли? – спросил я.

– Во дворе, – коротко ответил он.

Я снова откинулся на сиденье. К городу мы подъехали уже ночью. Первый день моего расследования нельзя было назвать удачным.

Следующий день оказался нисколько не успешней предыдущего. Моего приятеля Сайрела в доме не было. В комнату к мистеру Рэймонду вошла горничная и, нисколько не стесняясь меня, заявила, что желает отказаться от места.

– Мистер Рэймонд, – сказала она, – ночью за окном я слышала подозрительный шум. Я вовсе не хочу уходить, но это действует на нервы!

Это было все, что произошло в тот день, и домой я вернулся совершенно разбитым. На утро следующего дня я был разбужен горничной, которая принесла телеграмму. Открыв ее, я обнаружил, что она от Грегсона. «Поторопитесь, – прочитал я, – изумительные новости». Я поспешно оделся и первым же поездом приехал в Сантуку. На перроне меня уже поджидал Грегсон. Не успел я усестись в его маленький автомобиль, как он сразу же принялся рассказывать, что произошло.

– Ночью кто-то проник в дом! Вы, наверное, знаете, что мистер Рэймонд попросил меня переночевать в доме? Ну так вот, около часа ночи, мне захотелось пить. Я пошел в холл, чтобы налить воды, и, выходя из комнаты (а я лег в комнате мисс Рэймонд), я услышал, что в ком-

нате миссис Рэймонд кто-то ходит! Удивившись, что мистер Рэймонд бодрствует в такое время суток, я прошел в гостиную, чтобы узнать, в чем дело. Я открыл дверь комнаты миссис Рэймонд... Тело мисс Рэймонд лежало на диване. Возле него на коленях стоял человек. Его лица я не видел, но по фигуре смог точно определить, что это не мистер Рэймонд. Я продолжил наблюдение; он бесшумно встал и я увидел, как он открыл бюро, что-то оттуда достал и сунул в карман. Развернувшись, он увидел меня, а я его: это был какой-то неизвестный мне молодой человек. Издав крик ярости, он бросился на меня, но я уклонился, поскольку у меня с собой не было оружия. Он схватил тяжелую индейскую дубинку и наотмашь ударил меня по голове. Я издал крик, который, должно быть, разбудил весь дом – и больше я ничего не помню, вплоть до того момента, когда очнулся и увидел склонившегося надо мной мистера Рэймонда.

– Как выглядел этот человек? – спросил я. – Вы узнали бы его, если бы встретились с ним еще раз?

– Думаю, нет, – ответил он. – Я видел его только в профиль.

– Единственное объяснение, которое я могу дать, заключается в том, – сказал я, – что убийца находился в комнате мисс Рэймонд, и когда она зашла в комнату, он на нее напал, нанеся ей глубокие раны. Затем прошел в комнату миссис Рэймонд и похитил ее, не забыв сперва застрелить мисс Рэймонд, сделавшую попытку приподняться. На улице ему встретился Стэндиш, который попытался его остановить, и был за это убит.

Грегсон улыбнулся.

– Это решение неправдоподобно, – сказал он.

Около дома я увидел Джона Сайрела, который кивком отозвал меня в сторону.

– Пойдемте со мной, – сказал он, – и вы узнаете нечто, что может оказаться для вас полезным.

Извинившись перед Грегсоном, я пошел вслед за Сайрелом. Он начал говорить, как только мы скрылись в аллее.

– Давайте предположим, что убийца – или убийцы – благополучно сбежали из дома. Куда же они направляются? Естественно, им нужно скрыться, и как можно дальше. И куда же они пойдут? Недалеко отсюда находятся только две железнодорожные станции, Сантука и Лиджвилль. Я установил, что Сантукой они не воспользовались. То же самое установил Грегсон. Далее, я предположил, что они направились к Лиджвиллю. Грегсон этого не сделал – заметьте, вот в чем разница! Прямая линия – кратчайшее расстояние между двумя точками. Я прошел по прямой отсюда до Лиджвилля. Поначалу мне не попалось ничего интересного. Но мили через две, в болотистой низине, я нашел следы. Там было всего три отпечатка, и я сделал слепки. Вот они. Как видите, этот след принадлежит женщине. Я сравнил его с ботинками миссис Рэймонд. Они совпадают. Остается еще пара. А вот они уже принадлежат мужчине.

Пулю, найденную мной на месте убийства Стэндиша, я сравнил с одним из оставшихся патронов в том револьвере, что был обнаружен в комнате миссис Рэймонд. Они идентичны. Из револьвера был сделан только один выстрел, и гильзу я нашел только одну, поэтому я сделал вывод, что стреляла из револьвера либо мисс, либо миссис Рэймонд. Я предпочитаю думать, что это была миссис Рэймонд, потому что именно она спаслась бегством.

Итак, подводя итоги и принимая во внимание, что у миссис Рэймонд должна была быть какая-то причина для того, чтобы попытаться убить Стэндиша, я прихожу к выводу, что ночью в пятницу Джон Стэндиш убил мисс Рэймонд через окно комнаты ее матери. Я также делаю вывод, что миссис Рэймонд, убедившись, что дочь мертва, выстрелила в Стэндиша через окно и убила его. Придя в ужас от содеянного, она спряталась за дверью, когда вошел мистер Рэймонд. А затем вышла из дома через черный ход. На улице она споткнулась о револьвер Стэндиша, подняла его и забрала с собой. Где-то по пути отсюда в Лиджвилль либо случайно, либо по договоренности, она встретила с тем, кто оставил эти следы, и пошла с ним на станцию, откуда они вместе и поехали на утреннем поезде в Чикаго. На станции мужчину не видели.

Мне сказали, что билет покупала только женщина, из чего можно сделать вывод, что молодой человек с ней не поехал. А сейчас вы должны рассказать мне все, что рассказал вам Грегсон!

– Как вы все это узнали? – в изумлении воскликнул я, а затем рассказал ему о ночном визите. Он совсем не удивился и сказал:

– Я думаю, что юноша и есть наш приятель, оставивший следы. А теперь вам лучше взять револьвер и собрать все необходимое, если вы, конечно, хотите поехать со мной и отыскать этого молодого человека и миссис Рэймонд, которая, я думаю, сейчас находится с ним.

Ошеломленный от услышанного, я вернулся в город первым же поездом. Я купил пару новеньких «кольтов», потайной фонарь и две смены белья. Мы приехали в Лиджвилль и обнаружили, что молодой человек отбыл в Итаку на шестичасовом поезде. Добравшись до Итаки, мы обнаружили, что он пересел на поезд, который в тот момент находился на полпути в Принстон, штат Нью-Джерси. Было уже пять утра, но мы взяли билет на скорый, рассчитывая перехватить его где-нибудь на полпути между Итакой и Принстоном. Какова же была наша досада, когда, нагнав пассажирский поезд, мы узнали, что он сошел в Индианосе и сейчас, скорее всего, уже в полной безопасности. Упав духом, мы взяли билет до Индианоса. В кассе нам сказали, что молодой человек в светло-сером костюме сел на автобус до отеля Рузвельта. Выйдя на улицу, мы нашли тот самый автобус, на котором он ехал; расспросили водителя, и он признался, что действительно отвез пассажиров в отель Рузвельта.

– Но, – сказал старик, – когда я остановился у отеля, парнишка просто испарился, и я так и не получил с него за проезд!

Сайрел тяжело вздохнул; было ясно, что юношу мы потеряли. Мы взяли билеты на поезд до Нью-Йорка и телеграфировали мистеру Рэймонду, что приедем в понедельник. Ночью в воскресенье меня позвали к телефону; по голосу я узнал Сайрела. Он потребовал, чтобы я сейчас же мчался по адресу улица Каштановая, 534. Я столкнулся с ним у двери.

– Что, какие-нибудь новости? – спросил я.

– В Индианосе у меня есть агент, – ответил он, – мальчишка-араб, которому я плачу 10 центов в день. Я поручил ему выследить женщину, и сегодня он прислал мне телеграмму (на этот случай я оставил ему деньги), в которой он пишет «приезжайте немедленно». Так что поехали!

И мы сели на поезд. Шмиди, юный араб, встретил нас на станции.

– Сэр, вот какой вещь. Вы сказал: «Ищи парень с таким шляпа», и я сказал найду. Ночь парнишка вышел с дома на Сосновой улице и дать кебмен 10 доллар сразу. Я с минуту ждать, он выходить с женщина, и они ходить недалеко дом чуть подальше по улица, я показать вам место!

Мы пошли по улице вслед за Шмиди, пока не достигли дома, стоявшего на перекрестке. На первом этаже располагалась табачная лавка, но второй этаж явно сдавался внаем. В окне мелькнуло чье-то лицо, но, заметив нас, человек поспешно удалился вглубь комнаты. Сайрел достал из кармана фотокарточку.

– Это она! – воскликнул он и, крикнув нам, чтобы мы следовали за ним, рванул на себя небольшую боковую дверь. Сверху донеслись голоса, шарканье подошв и хлопок закрывающейся двери.

– Вверх по лестнице! – крикнул Сайрел, и мы побежали за ним, перескакивая сразу через несколько ступенек. На верхней площадке лестницы нас встретил молодой человек.

– По какому праву вы врываетесь в этот дом? – спросил он.

– По праву закона! – ответил Сайрел.

– Я не делал этого! – вспыхнул юноша. – Вот как все было. Агнесс Рэймонд любила меня – она не любила Стэндиша – и он ее застрелил; но Господь не дал ее убийце уйти от мщения. Хорошо, что его убила миссис Рэймонд, потому что иначе его кровь была бы на моих руках. Я

вернулся, чтобы еще раз увидеть Агнесс перед тем, как ее похоронят. Кто-то вошел в комнату. Я его ударил. Я только что узнал, что миссис Рэймонд его убила.

– А я забыл о миссис Рэймонд! – сказал Сайрел. – Где же она?

– Она уже не в вашей власти! – сказал молодой человек.

Сайрел скользнул мимо него, Шмиди и я – за ним. Он распахнул дверь в комнату на верхней площадке, и мы ворвались в помещение.

На полу лежала женщина, и, едва коснувшись ее груди, я понял, что ей уже ни один врач не поможет.

– Она приняла яд, – сказал я.

Сайрел оглянулся – молодой человек исчез. Охваченные ужасом, мы остались наедине со смертью.

Испытание

I

Широкие просторы центрального Мэриленда находились под привычным обстрелом горячего послеполуденного солнца, которое поджаривало и обширные долины, и извилистые дороги в клубах мелкой пыли, и безобразную, покрытую шифером крышу монастыря. В четыре часа дня даже сады излучали жару, сухость и леность, рождавшие какое-то подобие тихого довольства – пусть без романтики, но все-таки радостного. Стены, деревья, посыпанные песком дорожки, казалось, излучали обратно в чистое безоблачное небо знойное тепло позднего лета, со счастливым смехом жарясь на солнце. Этот час принес какое-то странное чувство успокоения и фермеру с соседнего поля, утершему пот со лба и потрепавшему по холке изнывающую от жажды лошадку, и послушнику, вскрывавшему жестяные консервные банки за монастырской кухней.

По насыпи над речкой ходил человек. Он шагал вверх-вниз уже полчаса. Когда он прошел мимо в очередной раз, бормоча молитвы, послушник в недоумении посмотрел на него. Час перед принятием обета всегда был тяжелым. Впереди восемнадцать лет, а мир останется позади. Послушник многих видел в таком состоянии: некоторые бледнели и нервничали, некоторые мрачнели и исполнялись решимости, кое-кто впадал в отчаяние. Но когда колокол возвещал звоном о наступлении пятого часа пополудни, произносился обет, и новички, как правило, приходили в себя. Как раз в этот час в сельской глубинке мир кажется единственной реальностью, а монастырь – призрачным и немощным. Послушник сочувственно покачал головой и пошел своей дорогой.

Человек, не отрываясь, читал молитвослов. Он был совсем молод – не больше двадцати; темные волосы, находившиеся в беспорядке, делали его похожим на мальчишку. На спокойном лице лежал румянец, губы непрестанно двигались. Он не нервничал. Ему даже казалось, что он всегда знал, что будет священником. Два года назад он почувствовал слабое волнение, трансцендентное ощущение десницы Божьей во всем, и воспринял это как добрый знак: приближается весна его жизни. Он позволил себе сопротивляться изо всех сил. Проучился год в университете, провел четыре месяца за границей, но эти опыты лишь укрепили его в мысли, что он познал свою настоящую судьбу. Он почти не колебался. Поначалу его страшил уход от мира; его охватывал безымянный ужас. Он думал, что любит мир. Он панически сопротивлялся, но при этом все увереннее чувствовал, что последнее слово уже произнесено. У него было призвание свыше. И тогда, поскольку он не был трусом, он решился стать священником.

Весь долгий месяц послушничества его раздирали глубокая, полубезумная радость и неясный страх утраты своей любви к жизни, вместе с осознанием приносимой жертвы. Любимый сын, возвращенный гордым и уверенным в себе, с верой в судьбу. Ему были открыты все пути: удовольствия, путешествия, политика, дипломатия. Когда три месяца назад он вошел в домашнюю библиотеку и объявил отцу о своем намерении стать иезуитом, разразился скандал. Друзья и родственники забросали его письмами. Ему говорили, что из-за сентиментального предрассудка самопожертвования, из-за какого-то детского каприза, он губит юную многообещающую жизнь. Месяц он выслушивал горькие высокопарные банальности, ища утешения лишь в молитвах, твердо держась своего пути к спасению. В результате оказалось, что тяжелее всего было победить самого себя. Его опечалило разочарование отца и слезы матери, но он знал, что время их примирит.

И вот через полчаса он произнесет обет, который навеки посвятит его жизнь служению. Восемнадцать лет учения – восемнадцать лет ему будут диктовать все его мысли, все его идеи, а его индивидуальность и даже его физический облик будут изглаживаться ради того, чтобы в результате он превратился в прочное и надежное орудие, которое будет работать, работать и работать. Как ни странно, сейчас он чувствовал себя спокойнее и счастливее, чем раньше. Яростное, пульсирующее солнечное тепло билось в унисон с его созревшим сердцем, крепким в своей решимости и готовым выполнять свою часть работы – великого труда. Он ликовал оттого, что был избран – он, один из многих достойных, неустанно призываемых. И он откликнулся на зов.

Слова молитв вливались потоком в его разум, устремляя ввысь, к спокойствию и миру; его глаза улыбались. Все было просто; он был уверен, что жизнь уместается в молитве. Он шагал вверх и вниз. Затем вдруг что-то случилось. Впоследствии он никогда не мог описать, что это было – он говорил, что в молитвы вкралось нечто подспудное, нечто неожиданное и чуждое. Он продолжал читать, и это нечто превратилось в мелодию. Он вздрогнул и оторвал глаза от книги – далеко внизу по пыльной дороге, держась за руки, шли и пели чернокожие, пели старую песню, которую он знал:

Надеюсь, встретимся с тобой на небесах,
И никогда с тобой не разлучимся,
На небесах с тобой не разлучимся.
Господь помилуй нас, благослови,
Чтоб мы на небесах соединились.

Пронеслась какая-то мысль – что-то, о чем он раньше не думал. Он почти разозлился на тех, кто так не вовремя появился перед ним – не потому, что они были простыми примитивными существами, а потому, что они каким-то образом смогли вторгнуться в его мысли. Эта песня появилась в его жизни уже давно. Ее всегда напевала нянька в туманную пору его детства. Он сам часто тихо наигрывал ее на банджо жаркими летними вечерами. Песня напомнила ему о многом: о нескольких месяцах на море, о жарком пляже, омываемом угрюмым океаном, когда они с кузиной строили замки из песка; о летних вечерах на большой лужайке у дома, где он ловил светлячков, а песню доносило вечерним ветром из негритянских кварталов. Позже, уже с новыми словами, она стала серенадой, ну а теперь... Что ж, эта часть его жизни окончилась, но перед его мысленным взором вновь вставала девушка с добрыми глазами, постаревшая от горя, в ожидании, в тщетном ожидании... Ему казалось, что он слышит зовущие его голоса – детские голоса. А затем вокруг уже кишела городская толпа, раздавался гул человеческих голосов; и семья, которой не будет никогда, манила его к себе.

Теперь в его голове подспудно зазвучала другая мелодия: дикая, нескладная музыка, обманчивая и плачущая, как визг сотен скрипок, но при этом отчетливая и ритмичная. Перед ним, как на панораме, проплывали друг за другом искусство, красота, любовь и жизнь, он ощущал экзотические ароматы мирских страстей. Он видел борьбу и войны, колыхание каких-то стягов, армия приветствовала короля – но сквозь все это на него смотрели прекрасные и печальные глаза девушки, превратившейся в женщину.

И снова музыка изменилась; атмосфера была давящей и печальной. Ему казалось, что перед ним бесновалась толпа, обвинявшая его. Снова дым окутал тело Джона Уиклифа, монах преклонил колени и рассмеялся оттого, что бедным не хватало хлеба, Александр VI опять вдавил отравленное кольцо в руку брата, закутанные в черные рясы инквизиторы нахмурились и зашептались. Трое великих произнесли, что Бога нет, и миллионы голосов воскликнули: «Почему? Почему мы должны в это верить?» А затем, будто в кристалле, он услышал голоса Гексли, Ницше, Золя и Канта, восклицавшие: «Не верю!» Он увидел Вольтера и Шоу, в холод-

ной ярости. Голоса продолжали молить: «Почему?», и печальные девичьи глаза опять смотрели на него с бесконечной тоской.

Он находился в пустоте над миром – все и всё звали его теперь. Он был не в силах молиться. Снова и снова он повторял, без чувства и смысла: «Помилуй меня, Господи! Помилуй меня, Господи!» Еще минуту, показавшуюся вечностью, он дрожал в пустоте – и вдруг все кончилось. Они все еще были там, но во взгляде девушки было что-то не так, губы стали походить на холодный камень, а ее страсть показалась мертвой и преходящей.

Он стал молиться, и постепенно тучи рассеялись, образы потускнели и превратились в тени. Его сердце замерло на миг, а затем... Он стоял на берегу, колокол пробил пять вечера. Его преподобие настоятель спускался к нему по ступеням.

– Час пробил, входите.

Человек сразу же повернулся.

– Иду, святой отец.

II

Послушники безмолвно входили в храм и преклоняли колени для молитвы. На алтаре среди горящих свечей стоял сияющий ковчег со Святыми Дарами. Воздух был густой и тяжелый от ладана. Человек преклонил колени вместе со всеми. Он вздрогнул от первого аккорда гимна Пресвятой Деве, пропетого спрятанным в вышине хором, и посмотрел вверх. Слева от него, сквозь оконный витраж с изображением святого Франциска Ксавье, светило вечернее солнце, рисуя красный узор на рясе стоявшего перед ним священника. Трое рукоположенных священников преклонили колена у алтаря. Над ними горела огромная свеча. Он рассеяно посмотрел на нее. Справа от него еще один послушник дрожащими пальцами перебирал четки. Человек посмотрел на него. На вид – около двадцати шести, волосы светлые, а серо-зеленые глаза нервно оглядывали храм. Их взгляды встретились, и старший бросил быстрый взгляд на алтарную свечу, будто привлекая к ней внимание. Человек тоже посмотрел на нее, и от этого взгляда у него побежали мурашки и зазвенело в ушах. Его заполнил все тот же незванный страх, что впервые появился полчаса назад на берегу. Дыхание участилось. Как же жарко было в храме! Слишком жарко; и со свечой было что-то не так... не так... Неожиданно все поплыло. Его подхватил сосед слева.

– Держись, – прошептал он, – а то отложат церемонию. Тебе уже лучше? Сможешь выдержать до конца?

Он чуть кивнул и повернулся к свече. Да, никаких сомнений. Там что-то было, что-то плясало в языке пламени, обрамленном случайным венком дыма. В храме чувствовалось присутствие чего-то злого – прямо на священном алтаре. Он почувствовал, как его пробрал холод, хотя он знал, что в помещении было тепло. Казалось, что его душу парализовало, но он не отрывал взгляд от свечи. Он знал, что он должен смотреть на нее. Больше было некому. Он не должен отрывать от нее взгляда. Весь ряд послушников встал, и он тоже автоматически встал вместе с ними.

«*Per omnia saecula, saeculorum.* Аминь».

И вдруг он почувствовал, как исчезло нечто материальное – его последняя земная опора. Он сразу понял, что случилось. Его сосед слева потерял сознание от переутомления и нервного потрясения. И затем началось. Что-то неведомое и раньше пыталось подточить корни его веры; пыталось противопоставить его любовь к миру и любовь к Богу, и использовало все возможные, как он думал, силы для борьбы с ним; но сейчас все было иначе. Ничто не отрицалось, ничего не предлагалось. Самое точное описание – как будто огромная масса навалилась на его сокровенную душу, масса без сущности, не духовная и не физическая. Его поглотило

бесплотное облако зла, зла во всех проявлениях сразу. Он не мог думать, не мог молиться. Будто сквозь сон до него доносились голоса рядом стоявших, они пели, но они были далеко – и он никогда еще не чувствовал себя таким далеким. Он находился на плоскости, где не было ни молитвы, ни милости Божьей; он понимал лишь, что вокруг него собираются силы Ада, и сущность зла заключена в одной-единственной свече. Он чувствовал, что должен в одиночку бороться с бесконечностью соблазна. Он никогда не испытывал такого и даже не слышал от других о чем-либо подобном. Он знал только, что один человек уже не устоял перед этой массой, а он должен устоять. Он должен смотреть на свечу, смотреть и смотреть – до тех пор, пока сила, заполнившая ее и затащившая его на эту плоскость, не исчезнет для него навсегда. Сейчас или никогда!

Ему казалось, что у него нет тела, и осталась лишь мысль о том, что его сокровенное «я» умерло. Это было глубже, чем он сам, что-то такое, чего он никогда раньше не чувствовал. Затем силы выстроились для последней атаки. Ему был открыт путь, уже избранный другим послушником. Он глубоко вздохнул, застыл в ожидании, и вот – удар! Вечность и бесконечность добра, казалось, сокрушены и смыты вечностью и бесконечностью зла. Казалось, он беспомощно барахтается, уносимый потоком в черный бесконечный океан мрака, где волны становились все выше и выше, а тучи все темнее и темнее. Волны мчали его к бездне, к водовороту вечного зла, а он машинально, незряче, отчаянно смотрел на свечу, смотрел на пламя, подобное единственной черной звезде на небосклоне отчаяния. И вдруг он почувствовал чье-то присутствие. Оно явилось слева и материализовалось в виде излучающего тепло красного узора на какой-то поверхности. И он узнал его! Это был оконный витраж святого Франциска Ксавье. Он мысленно ухватился за него, вцепился и с болью в сердце тихо воззвал к Господу.

«Tantum ergo Sacramentum Veneremur cernui».

Слова гимна набирали силу, как победная песнь, ладан вскружил ему голову, добрался до самой его души, где-то скрипнула дверь, и свеча на алтаре погасла!

«Ego vos absolvo a peccatis tuis in nomine patris, filii, spiritus sancti. Аминь».

Вереница послушников направилась к алтарю. Разноцветные лучи света из окон смешались с блеском свечей, и в золотом ореоле причастие показалось человеку таинственным и сладостным. Наступило спокойствие. Иподьякон протянул ему Библию. Он положил на нее правую руку.

«Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа...»

Тарквиний из Чипсайда

I

Шум бегущих шагов: темп задают мягкие подошвы легких туфель из дорогой цейлонской кожи; за ними, на расстоянии броска камня, следуют высокие ботинки на прочной толстой подошве, две пары, темно-синие, с забрызганной грязью позолотой, отражающей неясными отблесками лунный свет.

Легкие туфли молнией пророснули залитый лунным светом открытый участок и устремились в темный лабиринт аллей, оставляя за собой все более удаляющийся неясный шум шагов, исчезнувший где-то в кромешной тьме впереди. Появляются высокие ботинки с криво накинутыми плюмажами, над ними – обнаженные короткие клинки; слышно, как на бегу они чертыхаются и проклинают лондонские закоулки.

Легкие туфли подбегают к утонувшим в темноте воротам и продираются сквозь живую изгородь. Высокие ботинки тоже подбегают к воротам и продираются сквозь живую изгородь – впереди вдруг неожиданно возникает ночной дозор: двое солдат с пиками, свирепые с виду, как и положено ветеранам голландских и испанских походов.

Но никто не зовет на помощь. Преследуемый, задыхаясь, не падает ниц пред стражами, судорожно хватаясь за кошелек; преследователи тоже не поднимают шум, не кричат: «Держи! Хватай!» Легкие туфли, как порыв ветра, проносятся дальше. Стражники чертыхаются, останавливаются и недоуменно глядят вслед беглецу, затем зловеще скрещивают пики над дорогой, поджидая высокие ботинки. Как огромная рука, тьма скрывает луну.

Когда снова выходит луна, в бледном свете вновь проявляются карнизы, окна – и стражники, израненные и валяющиеся в придорожной пыли. Высокие ботинки бегут дальше, вдоль по дороге; один из них оставляет за собой цепочку темных пятен и неуклюже, на бегу, перевязывает рану дорогим кружевом, сорванным с шеи.

Стражникам сегодня не повезло: сегодня был день Сатаны, и, кажется, тот, кто был еле виден впереди, тот, кто перескочил через забор у калитки, и был самым чертом. Больше того, противник явно чувствовал себя как дома в этой части Лондона, которая, казалось, специально создавалась для его низких целей, поскольку дорога, как на картинке, все более сужалась, а дома становились все ниже и ниже, устраивая идеальные закоулки для засад, убийств и их театральных сестер – внезапных смертей.

Все дальше по длинным извилистым тропинкам продвигались жертва и гончие, то исчезая, то появляясь в лунном свете, как фигуры на бесконечной неровной шахматной доске. Преследуемый беглец, уже потерявший по дороге свою короткую кожаную куртку и почти ослепленный падающими со лба каплями пота, стал в отчаянии осматриваться вокруг. И тотчас же внезапно замедлил темп, пробежал немного назад и нырнул в боковую аллею, такую темную, что, казалось, и луна, и солнце не заглядывали туда с тех самых пор, как с этого места со скрежетом сполз последний ледник. Через пару сотен ярдов он остановился и втиснулся в нишу в стене, съежившись и затаив дыхание, как гротескное изваяние, бесплотное и незаметное в темноте.

Высокие ботинки, две пары, приблизились, поравнялись с ним, пробежали мимо, через двадцать ярдов остановились; их обладатели шепотом обменялись глухими фразами:

- Я все время слышал его: он остановился.
- Шагов двадцать назад.
- Он спрятался!

– Будем держаться вместе, и мы его прирежем.

Голоса смолкли; слышался только шорох шагов, но обладатель легких туфель не стал ждать продолжения беседы – в три прыжка он пересек аллею, подпрыгнул, на мгновение задержавшись на вершине стены, как огромная птица, и исчез, будто проглоченный в одно движение голодной ночью.

II

Читал в постели, за обедом,
Читал везде – живых не ведал
И жил, лишь мертвецов любя.
До смерти зачитал себя!

Любой посетитель старинного кладбища, заложенного во времена Якова Первого и расположенного недалеко от Пэт-Хилл, повторит вам наизусть эти вирши с гробницы Уизела Кэстера – являющиеся, без сомнения, одной из худших эпитафий, начертанных во времена королевы Елизаветы.

Историк поведает, что человек этот скончался тридцати семи лет от роду, однако наш рассказ начался с совершенно определенного момента – а именно, с ночной погони, так что мы обнаружим его в добром здравии, погруженным в чтение. Он был близорук, с явственно выделявшимся брюшком, плохо сложен и – прости, господи, – с виду ленив. Но эпоха есть эпоха, и во времена правления Елизаветы, милостью Лютера и королевы английской, никто не мог не воспламениться от искры читательского энтузиазма. Ведь каждый приход Чипсайда издавал собственный *Magnum Folium* (или какой-нибудь журнал), наполненный новейшими «белыми» стихами; содружество актеров Чипсайда без всяких раздумий ставило что угодно, лишь бы пьеса отличалась «от этих реакционных мираблей», а новый перевод Библии выдержал уже семь «массовых» изданий за последние семь месяцев.

И вот Уизел Кэстер (который в юности ходил в море) теперь стал неугомонным читателем, не пропускавшим ни единого слова, начерченного на бумаге и попавшего в его руки: он читал манускрипты о священном огне дружбы; за обедом просматривал молодых поэтов; он шатался у лавок, публиковавших и продававших *Magna Folia*, и внимательно слушал диспуты молодых драматургов, нередко переходившие в брань, с язвительными и злобными обвинениями друг друга – нередко за глаза – в плагиате и вообще во всех смертных грехах.

Сегодня перед ним была книга – или, лучше сказать, работа – в которой, как он предполагал, несмотря на некоторую необычность стиха, можно было обнаружить замечательную в своем роде политическую сатиру. В дрожащем свете свечи перед ним лежала «Королева фей» Эдмунда Спенсера. Продравшись сквозь первую песнь, он принялся за следующую:

Легенда о Бритомартис, или о Целомудрии

Мне не хватает слов, чтобы воспеть
Великую из многих добродетель,
Что «целомудрием» зовется в мире...

Внезапно на лестнице послышался шорох шагов, со скрипом растворилась настежь хлипкая дверь и в комнату ввалился человек: тяжело и судорожно дышащий мужчина без куртки в полубоморочном состоянии.

– Уизел, – речь давалась ему с трудом, – спрячь меня где-нибудь, во имя Девы!

Кэстер встал, аккуратно закрыл книгу и со скептическим выражением запер дверь на засов.

– Меня ищут! – воскликнул обладатель легких туфель. – Клянусь, двое полоумных с клинками пытались превратить меня в фарш, и это им едва не удалось! Они видели, как я перепрыгнул через стену во двор.

– Для того, чтобы надежно оградить тебя от возмездия человечества, потребуется несколько батальонов, вооруженных мушкетонами, а также две или три Армады, – произнес Уизел, с любопытством глядя на него.

Обладатель легких туфель удовлетворенно улыбнулся. Его судорожные вдохи постепенно сменились обычным учащенным дыханием; испуг нагоняемой жертвы уступил место смятенной иронии.

– Я несколько удивлен... – продолжил Уизел.

– Две такие ужасные гориллы...

– Выходит, всего их было три!

– Только две, если ты меня им не выдашь. Давай, давай скорее! Уже через мгновение они будут на лестнице!

Уизел вытянул из кучи хлама в углу старое копьё без наконечника, приставил его к высокому потолку и открыл им крышку люка, ведущего на чердак.

– Лестницы нет.

Он придвинул скамейку прямо под люк, на нее вскочили легкие туфли, их обладатель присел, замешкавшись, затем опять присел и ловко прыгнул вверх. Он схватился за край люка, на мгновение повис, раскачиваясь, чтобы схватиться за край поудобнее; затем подтянулся и исчез во тьме наверху. Послышался шорох разбегавшихся крыс, крышка люка была водворена на место, все стихло...

Уизел вернулся к своему столу, снова открыл «Легенду о Бритомартис, или о Целомудрии» и замер в ожидании.

Через минуту послышался скрип ступеней и громкий стук в дверь. Уизел вздохнул и, взяв в руки свечу, встал.

– Кто там?

– Открывай!

– Кто там?!

От резкого удара хрупкое дерево даже расщепилось у края. Уизел чуть приоткрыл дверь – дюйма на три – и высоко поднял свечу. Он собирался надеть маску робкого respectable гражданина, которого совершенно беспардонным образом побеспокоили в неурочный час.

– Едва лишь смог заснуть! Всего один час отдыха! Неужели и это слишком много?! Неужели каждый ночной пьянчуга и...

– Молчи, болтун! Он пробежал сюда?

На ступенях узкой лестницы покачивались огромные тени двух кавалеров; в свете свечи Уизел смог рассмотреть их внимательно. Это были настоящие джентльмены в богатой одежде, явно собиравшиеся второпях; один был серьезно ранен в руку; оба излучали ярость и ужас. Отмахнувшись от недоумевающего Уизела, они вломились в комнату и стали методично тыкать клинками во все подозрительные темные углы гостиной, а затем продолжили поиски в спальне Уизела.

– Где он спрятался? – в ярости воскликнул раненый.

– Кто «он»?

– Тот человек, не ты.

– Насколько мне известно, здесь, кроме меня, находятся еще только двое.

В следующую секунду Уизел пожалел, что открыл рот, поскольку кавалеры, как видно, потеряли чувство юмора и, кажется, собирались проткнуть его насквозь.

– Я слышал, как кто-то шел по лестнице, – поспешил добавить он, – минут пять назад, а то и больше. Верней всего, он передумал идти наверх.

Он хотел было продолжить и объяснить им, что был полностью поглощен «Королевой фей», но – по крайней мере, в этот час – его гости, подобно ангелам, были совершенно равнодушны к культуре.

– Что произошло? – осведомился Уизел.

– Насилие! – ответил человек с раной на руке. Уизел отметил, что он выглядел обезумевшим. – Моя сестра. Господи, только отдай в наши руки этого человека!

Уизел заморгал.

– Кто преступник?

– Клянусь Богом! Мы не знаем даже этого. А что это за люк наверху? – неожиданно спросил он.

– Он заколочен. Его не открывали уже несколько лет. – Он подумал о стоявшем в углу шесте, и сердце его ушло в пятки, но отчаяние притупило сообразительность визитеров.

– Тут нужна лестница, если ты не акробат, – вяло произнес раненый.

Его товарищ истерически рассмеялся.

– Акробат. Да, акробат! Ох...

Уизел удивленно смотрел на них.

– Как это ни горько, – воскликнул человек, – но именно что никто – да, никто! – кроме акробата – не смог бы уйти от нас!

Кавалер с раной на руке в нетерпении щелкнул пальцами здоровой руки.

– Нужно сходить в соседнюю квартиру – во все квартиры.

И, потеряв надежду, они ушли, хмурые, словно гроззовые тучи.

Уизел закрыл и запер на задвижку дверь, затем немного постоял около нее, почувствовав укол жалости.

Приглушенное «Эй!» заставило его поднять голову. Владелец легких туфель уже приподнял крышку люка и оглядывал комнату сверху. Лицом он напоминал веселого эльфа – полубрезгливого, полупраздного.

– А головы они, наверное, на ночь снимают вместе со шлемами, – шепотом заметил он. – Но что касается нас с тобой, Уизел, так мы свои всегда носим на плечах.

– Да будь ты проклят, – яростно воскликнул Уизел. – Я знаю, что ты подлец, но даже половины того, что я услышал здесь, хватит, чтобы понять, что ты такая дрянь, что у меня руки чешутся проломить твой череп.

Владелец легких туфель уставился на него, удивленно моргая.

– Во всяком случае, – сказал он спустя некоторое время, – я нахожу, что в таком положении разговор о моем звании невозможен.

С этими словами он стал опускаться вниз: на мгновение повис, держась за край люка, и спрыгнул на пол, пролетев добрых семь футов.

– Один крысеныш там, наверху, долго рассматривал мое ухо с видом гурмана, – продолжил он, отряхивая руки о бриджи. – Пришлось объяснить ему на понятном всем крысам языке, что я смертельно ядовит, после чего он счел разумным удалиться.

– Ну что ж, я хотел бы послушать рассказ о сегодняшнем ночном разврате, – сердито произнес Уизел.

Владелец легких туфель приставил большой палец к носу и насмешливо помахал Уизелу остальными пальцами.

– Шут гороховый! – пробормотал Уизел.

– У тебя есть бумага? – неожиданно спросил обладатель легких туфель, и тут же резко добавил: – Да, а писать-то ты умеешь?

– А почему я должен давать тебе бумагу?

– Ты хотел рассказ о ночных увеселениях. И ты его получишь, если дашь мне перо, чернила, пачку бумаги и комнату, где я смогу писать в одиночестве.

Уизел колебался.

– Уходи! – наконец сказал он.

– Как пожелаешь. Однако ты упускаешь довольно любопытную историю.

Уизел дрогнул – его сердце было мягким, как воск, – и сдался. Обладатель легких туфель прошел в соседнюю комнату со скудным запасом письменных принадлежностей и аккуратно закрыл за собой дверь. Уизел тяжело вздохнул и вернулся к «Королеве фей»; в доме снова воцарилась тишина.

III

Промчался четвертый час ночи. Пропитанная холодом и влагой тьма снаружи померкла, а комната потускнела, и Уизел, подперев руками голову, низко склонился над столом, напряженно вглядываясь в кружево рыцарей, фей и злослучивших множества девиц. На узкой улице снаружи слышалось громкое фыркание драконов; когда заспанный подмастерье оружейника приступил к работе в половине пятого утра, эхо превратило громкий звон наколенников и кольчуги в шум марширующей кавалькады.

С первым лучом солнца появился туман, и когда Уизел в шесть утра на цыпочках подошел к своей скромной опочивальне и открыл дверь, комната была залита серо-желтым светом. Его гость обратил к нему пергаментно-бледное лицо, на котором, как две заглавные алые буквы, горели безумные глаза. В качестве письменного стола он воспользовался молитвенной скамейкой Уизела, придвинув к ней стул; на ней уже громоздилась внушительная стопка густо исписанных страниц. С глубоким вздохом Уизел удалился обратно к своим сиренам, обозвав себя дураком потому, что не посмел лечь в собственную постель на рассвете.

Шум шагов с улицы, брюзжащие голоса соседских старух, глухой утренний гул подействовали на него расслабляюще, и, засыпая, он тяжело опустился на стул, а его мозг, перегруженный звуками и красками, продолжал переваривать заполнявшие его образы. В этом беспокойном сне он был одним из тысячи стонущих тел, поверженных под палящим солнцем, беспомощной переносицей между открытыми глазами Аполлона. Сон стремился разорвать его, царапая разум, как зазубренный нож. И когда его плеча коснулась горячая рука, он пробудился, едва не закричав, – и обнаружил, что в комнате воцарился густой туман, а его гость, серый призрак со смутными очертаниями, стоит рядом с кипой бумаги в руке.

– Думаю, что это один из самых увлекательных рассказов, пусть и не до конца доработанный. Не мог бы ты пока куда-нибудь его спрятать и, во имя господина, позволить мне лечь спать?

Не дождавшись ответа, он швырнул бумаги Уизелу и, свалившись как мешок сена на кушетку в углу, заснул, ровно дыша; во сне у него по-детски забавно дергалась бровь.

Уизел устало зевнул и, глядя на небрежно исписанную неровным почерком первую страницу, начал негромко вслух читать:

Поругание Лукреции

Из лагеря Ардеи осажденной
На черных крыльях похоти хмельной
В Колладиум Тарквиний распаленный...

Прибрежный пират

I

Эта невероятная история начинается на сказочно-синем море, ярком, словно голубой шелк чулка, под небом голубым, словно глаза ребенка. Солнце с запада пускало маленьких зайчиков по воде и, если внимательно присмотреться, можно было заметить, как они прыгают с волны на волну, постепенно собираясь в широкое золотое монисто за полмили отсюда, понемногу превращаясь в ослепительно-яркий закат. Где-то между этим золотым монистом и побережьем Флориды бросила якорь элегантная новенькая паровая яхта. На плетеном канопе, стоявшем на корме под навесом, полулежала светловолосая девушка, читавшая «Восстание Ангелов» Анатоля Франса.

Ей было девятнадцать, она была стройна и гибка, ее рот был чарующе капризен, а живые серые глаза светились умом. Ноги без чулок – зато украшенные беззаботно свисавшими с мысков голубыми сатиновыми шлепанцами – она закинула на ручку соседнего канопе. Читая, она периодически причащалась половинкой лимона, которую держала в руке. Другая половинка, совсем выжатая, валялась на палубе рядом с ее ногой, медленно перекатываясь с боку на бок под действием почти неощутимых волн.

Вторая половинка лимона почти уже лишилась мякоти, а золотое монисто значительно увеличилось в размерах к тому моменту, когда сонную тишину, окутавшую яхту, неожиданно нарушил громкий звук шагов и на трапе появился увенчанный аккуратной седой шевелюрой пожилой человек в белом фланелевом костюме. Он на мгновение остановился, ожидая, пока глаза привыкнут к солнечному свету, а затем, разглядев девушку под навесом, что-то неодобрительно проворчал.

Если таким образом он хотел вызвать какую-либо реакцию, то был обречен на провал. Девушка спокойно перевернула пару страниц, затем перевернула одну страничку обратно, не глядя поднесла лимон ко рту и еле слышно, но совершенно отчетливо – зевнула.

– Ардита! – сурово произнес седой человек.

Ардита издала краткий неопределенный звук.

– Ардита! – повторил он. – Ардита!!

Ардита лениво поднесла лимон ко рту, откуда выскользнуло одно лишь слово перед тем, как лимон коснулся языка.

– Отстань.

– Ардита!

– Что?

– Ты будешь меня слушать – или я должен позвать слугу, чтобы он тебя держал, пока я буду говорить?

Лимон нарочито медленно опустился.

– Изложи все на бумаге.

– Хватит у тебя совести закрыть эту отвратительную книгу и отбросить этот проклятый лимон, хотя бы на две минуты?

– А ты хоть на секунду можешь оставить меня в покое?

– Ардита, только что мне телефонировали с берега...

– Тут есть телефон? – она впервые проявила слабый интерес.

– Да, так вот...

– Ты хочешь сказать, – изумленно перебила она, – что тебе позволили протянуть сюда кабель?

– Да, и только что...

– А другие лодки не натолкнутся на него?

– Нет, он проходит по дну. Пять мин...

– Вот это да! Будь я проклята! Черт побери! Золотые плоды прогресса, или как там это...

Вот это да!

– Позволишь ты мне наконец досказать то, что я начал?

– Валяй!

– Ну, так вот... Похоже... – он сделал паузу и несколько раз в смятении сглотнул. – Да. Юная дева, мне кажется, что полковник Морлэнд позвонил только затем, чтобы напомнить о том, что сегодня мы оба обедаем у него. Его сын Тоби приехал из Нью-Йорка специально, чтобы с тобой познакомиться; кроме того, на обед приглашена и другая молодежь. Последний раз я спрашиваю...

– Нет, – коротко ответила Ардита. – Я не поеду. Я присоединилась к этому чертову круизу с единственной целью – попасть в Палм-Бич, и ты прекрасно это знаешь, и я наотрез отказываюсь знакомиться со всякими чертовыми старыми полковниками, с любыми чертовыми молодыми Тоби, со всей этой чертовой молодежью, и ноги моей не будет на этой чертовой земле этого идиотского штата. Поэтому ты либо везешь меня в Палм-Бич, либо закрываешь рот и проваливаешь отсюда!

– Очень хорошо. Мое терпение лопнуло. В своем страстном увлечении этим человеком – человеком, печально известным своими дебошами, человеком, которому твой отец не позволил бы даже произнести твое имя, – ты скорееходишь на даму полусвета, нежели на леди из тех кругов общества, в которых ты – предположительно – воспитывалась. Отныне...

– Я знаю, – иронично перебила его Ардита. – Отныне ты идешь своей дорогой, а я шагаю своей! Это я уже слышала. Ты знаешь, что мне ничего другого и не надо.

– Отныне, – высокопарно объявил он, – ты мне больше не племянница! Я...

– О-о-о!!! – Ардита издала крик, похожий на агонию грешной души. – Когда ты прекратишь мне надоедать! Когда же ты, наконец, пойдешь своей дорогой? Когда же ты прыгнешь за борт и утонешь? Ты хочешь, чтобы я запустила в тебя этой книгой?

– Если ты осмелишься сделать что-либо...

Шмяк! «Восстание Ангелов» поднялось в воздух, лишь на дюйм отклонилось от цели и громко бухнулось на трап.

Седой мужчина инстинктивно сделал шаг назад и затем два осторожных шажка вперед. Ардита вскочила на ноги и дерзко уставилась на него; ее серые глаза горели бешенством.

– Не подходи!

– Да как ты могла! – воскликнул он.

– Да так и смогла!

– Ты стала невыносимой! Твой характер...

– Это ты заставил меня стать такой! Ни у одного ребенка никогда не было плохого характера с рождения, виноваты только воспитатели! Чем бы я ни стала – во всем виноват ты!

Пробормотав что-то неразборчивое, дядя развернулся и, войдя в рубку, крикнул, чтобы подавали обед. Затем он вернулся к навесу, под которым, снова всецело поглощенная лимоном, устроилась Ардита.

– Я собираюсь на берег, – медленно произнес он. – В девять вечера. Когда я вернусь, мы пойдем обратно в Нью-Йорк, где я верну тебя твоей тетке до конца твоей естественной – или, скорее, неестественной, – жизни.

Он замолчал и взглянул на нее; ему сразу же бросилась в глаза ее неуловимая детскость, которая проколола его раздражение, как раздутую шину, и он почувствовал свою беспомощность, неуверенность и всю глупость ситуации.

– Ардита, – сказал он, уже забыв обиду. – Я не дурак. Я знаю жизнь. Я знаю людей. Дитя мое, люди с репутацией распутников не меняются до тех пор, пока не устанут от самих себя, – а затем они уже не они – они всего лишь жалкое подобие самих себя, – он взглянул на нее, ища одобрения, но не услышал в ответ ни звука, и продолжил:

– Возможно, этот человек тебя любит – может быть. Он любил многих женщин, и он будет любить еще многих. Месяца еще не прошло, Ардита, с тех пор, как он попал в печально известную историю с рыженькой Мими Мерил; посулил ей золотой браслет, который русский царь якобы подарил его матери. Ты все знаешь – ты же читала газеты.

– Захватывающие сплетни в исполнении беспокойного дядюшки, – зевнула Ардита. – Снимем про это кино. Злой гуляка строит глазки целомудренной девочке. Целомудренная девочка окончательно соблазняется его кошмарным прошлым. Планирует встретиться с ним в Палм-Бич. Их планы расстраивает беспокойный дядюшка.

– Ты хотя бы можешь сказать, какого черта ты решила выйти за него?

– Уверена – я не смогу этого объяснить, – кратко ответила Ардита. – Возможно, потому, что он – единственный мужчина, плохой или хороший, у которого достаточно воображения и смелости, чтобы жить по своим убеждениям. Может быть, для того, чтобы отгородиться от молодых кретинов, тратящих все свое время на преследование меня по всей стране. А что касается русского браслета, то по этому поводу ты уже можешь быть спокоен. В Палм-Бич он подарит его мне, если ты продемонстрируешь хоть капельку здравого смысла.

– А как насчет той – рыженькой?

– Он не встречался с ней уже шесть месяцев, – гневно возразила она. – Не думаешь ли ты, что у меня недостаточно гордости, чтобы следить за такими вещами? Неужели тебе еще непонятно, что я могу делать что угодно с кем угодно, лишь бы мне этого хотелось?

Она гордо, как статуя «Пробуждение Франции», задрала подбородок, но затем испортила всю картину, выставив вперед руку с лимоном.

– Тебя так пленил этот русский браслет?

– Нет, я всего лишь стараюсь предложить тебе аргумент, который может показаться тебе весомым. Я хочу, чтобы ты от меня отстал, – сказала она, и снова ее тон стал повышаться.

– Ты знаешь, что я никогда не меняю своих решений. Ты пилишь меня уже три дня, и я начинаю сходить с ума. Я не поеду с тобой на берег! Не поеду! Слышишь? Не поеду!

– Очень хорошо, – сказал он, – но ты не поедешь и в Палм-Бич. Из всех себялюбивых, избалованных, неуправляемых, сварливых и невозможных девчонок, которых я когда-либо...

Плюх! Половинка лимона ударилась о его шею. Одновременно с другого борта раздался крик:

– Обед готов, мистер Фарнэм!

Неспособный от ярости говорить, мистер Фарнэм бросил единственный, совершенно уничтожающий взгляд на свою племянницу, отвернулся и быстро сбежал по трапу.

II

Пятый час скатился с солнца и бесшумно плюхнулся в море. Золотое монисто превратилось в сияющий остров; слабый бриз, игравший краями навеса и качавший единственный свисавший с ноги шлепанец, неожиданно принес с собой песню. Стройный хор мужских голосов пел под аккомпанемент двигавшихся в едином ритме, рассекавших морскую воду, весел. Ардита подняла голову и прислушалась.

Горох и морковь,
Колено бобов,
Свинки и кровь.
Парень милый!

Дуй, ветер, вновь!
Дуй, ветер, вновь!
Дуй, ветер, вновь!
Со всей силы!

Брови Ардиты поднялись от изумления. Она тихо сидела и внимательно слушала начало второго куплета.

Лук-исполин,
Маршалл и Дин,
Голдберг и Грин,
И Кастилло!

Дуй, ветер, вновь!
Дуй, ветер, вновь!
Дуй, ветер, вновь!
Со всей силы!

Она с восклицанием отбросила книгу, упавшую в раскрытом виде на палубу, и поспешила к борту. Совсем близко шла большая шлюпка, в которой было семь человек: шестеро гребли, еще один стоял во весь рост на корме и дирижировал, размахивая палочкой.

Камни и соль,
Омар, алкоголь,
Взял си-бемоль
Я на вилах.

Дирижер заметил перегнувшуюся через борт и замороженную странностью текста Ардиту. Он быстро махнул палочкой, и пение в то же мгновение прекратилось. Она заметила, что все гребцы были неграми, а он был единственным белым на лодке.

– Эй, на «Нарциссе»! – вежливо крикнул он.

– В чем соль этого диссонанса? – смеясь, спросила Ардита. – Вы из спортклуба окружной психушки?

В этот момент лодка коснулась борта яхты и огромный неуклюжий негр в «бабочке» повернулся и схватил веревочный трап. Затем, прежде чем Ардита осознала, что происходит, дирижер покинул свое место на корме, взобрался на борт и, задышавшись, встал перед ней на корме.

– Женщин и детей не трогать! – живо закричал он. – Всех плакс утопить, мужчин сковать цепями!

Изумленная Ардита засунула руки в карманы платья и уставилась на него, лишившись дара речи.

Он был молод, у него на губах играла презрительная усмешка, а на чувственном загорелом лице сияли голубые глаза невинного ребенка. Вьющиеся от влажности волосы были

черны, как смоль – ни дать, ни взять, волосы греческой статуи, выкрашенной в брюнета. Он был хорошо сложен, элегантно одет и грациозен, как спортсмен.

– Ну, провалиться мне на месте! – ошеломленно сказала она.

Они холодно посмотрели друг на друга.

– Вы сдаете корабль?

– Это приступ остроумия? – поинтересовалась Ардита. – Вы с детства идиот – или еще только собираетесь в какую-нибудь лечебницу?

– Я спрашиваю, сдаете ли вы корабль?

– Я думала, что в стране сухой закон и спиртное достать нельзя, – презрительно сказала Ардита. – Вы пили политиру? Лучше покиньте эту яхту!

– Да что вы говорите, – голос молодого человека звучал скептически.

– Убирайтесь с яхты! Вы слышите меня?!

Мгновение он смотрел на нее, как будто осмысливая сказанное.

– Нет, – его рот презрительно искривился. – Нет, я не сойду с яхты. С нее сойдете вы, если вам так хочется.

Подойдя к борту, он подал отрывистую команду, и в то же мгновение все гребцы вскарабкались по трапу и выстроились перед ним в шеренгу, угольно-черные и темно-коричневые с одного края и миниатюрный мулат ростом четыре фута с небольшим – с другого. Все они были одеты в одинаковые голубые костюмы, покрытые пылью, с пятнами высохшей тины, кое-где порванные. За плечом у каждого свисал маленький, выглядевший очень тяжелым, белый мешок, а в руках все держали большие черные футляры, в которых, по всей вероятности, должны были находиться музыкальные инструменты.

– Внимание! – скомандовал молодой человек, звонко клацнув собственными каблуками. – Равняйсь! Смир-но! Бэйб, шаг вперед!

Самый маленький негр быстро шагнул из строя и отдал честь.

– Есть, сэр!

– Назначаешься старшим! Спуститься в трюм, захватить команду и всех связать – всех, кроме судового механика. Привести его ко мне... Так... И сложить сумки здесь, у борта.

– Есть, сэр!

Бэйб снова отдал честь и, развернувшись, собрал вокруг себя оставшихся пятерых. Они шепотом посовещались и бесшумно, гуськом, пошли вниз по трапу.

– А теперь, – весело сказал молодой человек Ардите, ставшей немой свидетельницей последней сцены, – если вы поклянетесь своей эмансипированной честью – которая, скорее всего, недорого стоит, – что вы не откроете ваш капризный ротик в течение сорока восьми часов, то можете взять нашу шлюпку и грести на берег.

– А что в противном случае?

– В противном случае вам придется идти с нами в море на корабле.

С легким вздохом облегчения оттого, что первое напряжение исчезло, молодой человек занял недавно освобожденное Ардитой канапе и медленно потянулся. Его губы понимающе ухмыльнулись, когда он огляделся вокруг и заметил дорогой полосатый навес, полированную латунь и роскошную оснастку палубы. Его взгляд упал на книгу, а затем и на выжатый лимон.

– Хм, – сказал он, – оппозиционер Джексон заявлял, что лимонный сок проясняет голову. Ваша голова достаточно ясна?

Ардита не снизошла до ответа.

– Спрашиваю потому, что в течение ближайших пяти минут вам предстоит принять ясное решение: либо остаться, либо покинуть судно.

Он поднял книгу и с любопытством ее раскрыл.

– «Восстание Ангелов». Звучит заманчиво. Французская, вот как? – он с новым интересом уставился на нее. – Вы французенка?

– Нет.

– Как вас зовут?

– Фарнэм.

– А имя?

– Ардита Фарнэм.

– Что ж, Ардита, нет никакого смысла вот так вот здесь стоять и морщить лобик. Вы должны расстаться с этой нервической привычкой, пока еще молоды. Лучше идите сюда и присядьте.

Ардита достала из кармана резной нефритовый портсигар, вытянула из него сигарету и закурила, стараясь казаться спокойной, несмотря на то, что ее руки слегка дрожали. Затем она грациозно прошла по палубе, уселась на другом канapé и выпустила дым изо рта.

– Вам не удастся выгнать меня с яхты, – уверенно произнесла она, – и вы напрасно думаете, что вы здесь надолго задержитесь. Мой дядя в половине седьмого вызовет сюда по радио весь флот.

– Ну-ну...

Она бросила на него быстрый взгляд и уловила беспокойство, на мгновение ясно проступившее в опустившихся уголках его рта.

– Мне все равно, – сказала она, пожав плечами. – Это не моя яхта. Я ничего не имею против небольшого часового круиза. Я даже подарю вам эту книгу, чтобы вам было чем заняться на пограничном катере, который доставит вас в Синг-Синг.

Он презрительно рассмеялся.

– Если это – ваш единственный аргумент, то можно было даже не трудиться об этом говорить. Это всего лишь часть плана, разработанного задолго до того, как я узнал, что на свете существует эта яхта. Если бы ее не было, то была бы какая-нибудь другая, их у этого побережья предостаточно.

– Кто вы такой? – неожиданно спросила Ардита. – И что вам нужно?

– Вы решили не плыть на берег?

– Я об этом и не думала.

– Нас обычно называют, – сказал он, – всех семерых, конечно, – «Картис Карлиль и шесть черных малышей», мы недавно выступали в «Уинтер-Гарден» и «Миднайт-Фролик».

– Вы музыканты?

– Да, были, до сегодняшнего дня. В данный момент, по милости вот этих вот белых сумок, которые вы видите перед собой, мы – беглецы от закона, и если награда за нашу поимку еще не достигла двадцати тысяч долларов, то я сильно ошибаюсь.

– А что в сумках? – с любопытством спросила Ардита.

– Ну, – сказал он, – давайте назовем это песком... Пусть пока это будет обычный флоридский песок.

III

Спустя десять минут после беседы Картиса Карлиля и испуганного судового механика яхта «Нарцисс», уже на всех парах, шла на юг сквозь нежные тропические сумерки. Миниатюрный мулат Бэйб, пользовавшийся, по-видимому, полным доверием Карлиля, взял командование на себя. Кок, а также камердинер мистера Фарнэма, единственные оказавшие сопротивление из всего экипажа (если не считать механика), теперь получили достаточно времени для пересмотра своего решения, оказавшись крепко привязанными к собственным койкам в трюме. Тромбон Моуз, самый рослый негр, с помощью банки краски занялся удалением надписи «Нарцисс» с носа судна с тем, чтобы на ее месте засияло новое имя – «Хула-Хула», а все остальные собрались на корме и были заняты жаркой игрой в кости.

Распорядившись о том, чтобы еда была приготовлена и сервирована на палубе к семи тридцати, Карлиль снова присоединился к Ардите и, разлегшись на канапе, полузакрыв глаза и впал в состояние глубокой задумчивости.

Ардита критически осмотрела его и немедленно причислила к романтическим личностям. Его возвышенная самоуверенность покоилась на хрупком фундаменте: за всеми его действиями она разглядела нерешительность, которая противоречила высокомерному изгибу его рта.

«Он не похож на меня, – подумала она. – Есть какие-то отличия».

Будучи убежденной эгоисткой, Ардита всегда думала только о себе; она никогда не думала о своем эгоизме и вела себя совершенно естественно, так, что ее бесспорный шарм находился в полном согласии с этой чертой характера. Хотя ей было уже девятнадцать, она выглядела взрослым, не по годам развитым ребенком, и в отблесках ее юности и красоты все люди, которых она знала, были всего лишь щепками, колеблемыми рябью ее темперамента. Она встречала и других эгоистов – и выяснила на практике, что самоуверенные люди надоедают ей гораздо меньше, чем неуверенные в себе, – но до сих пор она не встречала человека, над которым рано или поздно не взяла бы верх и не бросила бы к своим ногам.

Несмотря на то, что она узнала эгоиста в сидевшем на соседнем канапе, она не услышала обычного безмолвного «Свистать всех наверх!», означавшего полную готовность к действию; напротив, ее инстинкт подсказал ей, что сам этот человек был крайне уязвим и практически беззащитен. Когда Ардита бросала вызов условностям – а последнее время это было ее основным развлечением, она делала это из-за жгучего желания быть самой собой; этот же человек, наоборот, был озабочен своим собственным вызовом.

Он был интересен ей гораздо более создавшегося положения, взволновавшего ее так, как только может взволновать десятилетнего ребенка перспектива побывать в театре. Она была безоговорочно уверена в своей способности позаботиться о себе в любых обстоятельствах.

Темнело. Линия берега становилась все более тусклой, темные тучи, как листья, кружили на далеком горизонте, и бледная, неполная луна сквозь туман улыбалась морю. Лунная мгла неожиданно окутала яхту, а в кильватере появилась лунная дорожка. Время от времени, когда кто-нибудь закуривал, вспыхивала спичка, но – если не считать низкого рокошущего звука работающего двигателя и плеска волн – яхта шла безмолвно, как корабль сновидений, рассекающий небесные просторы. Вокруг царил запах ночного моря, неся с собой безграничное спокойствие.

Наконец Карлиль решил нарушить тишину.

– Вы – счастливая девушка, – вздохнул он. – Мне всегда хотелось быть богатым, чтобы купить всю эту красоту.

Ардита зевнула.

– А я бы с удовольствием стала вами, – откровенно сказала она.

– Конечно – на день, не больше. Но для эмансипе вы, кажется, обладаете завидной смелостью.

– Прошу вас так меня не называть.

– Прошу прощения.

– Что касается смелости, – медленно продолжила она, – то это моя единственная положительная черта. Я не боюсь ничего ни на земле, ни на небе.

– Хм-м, да...

– Чтобы чего-то бояться, – сказала Ардита, – человек должен быть либо очень большим и сильным, либо просто трусом. Я – ни то, ни другое, – она замолчала на мгновение, затем в ее голосе послышалось напряжение. – Но я хочу поговорить о вас. Что такого, черт возьми, вы сделали – и как вам это удалось?

– Зачем вам знать? – хладнокровно ответил он. – Вы что, собираетесь писать обо мне книгу?

– Говорите, – настаивала она. – Лгите мне прямо здесь, под луной. Расскажите мне какую-нибудь потрясающую сказку!

Появился негр, включил гирлянду маленьких лампочек под навесом и начал сервировать для ужина плетеный столик. Они ели холодную курятину, салат, артишоки, клубничный джем из богатых судовых кладовых, и Карлиль начал говорить, поначалу смущенно, но по мере нарастания ее интереса его речь становилась все увереннее. Ардита едва притронулась к пище и все время смотрела на его смуглое юное лицо – красивое, ироничное, немного детское.

Он начал жизнь бедным ребенком в Теннесси, рассказывал он, по-настоящему бедным, так как его семья была единственной белой семьей на всей улице. Он никогда не видел белых детей – но за ним всегда ходила дюжина негритят, страстных его обожателей, которых он привлекал живостью своего воображения и ворохом неприятностей, в которые он их затаскивал и из которых вытаскивал. И, кажется, именно эти детские впечатления направили выдающийся музыкальный талант в странное русло.

Жила там чернокожая женщина, которую звали Белль Поп Калун, игравшая на пианино на вечеринках у белых ребят – милых белых ребятишек, которые всегда проходили мимо Картиса Карлиля, презрительно фыркая. Но маленький «оборвыш» неизменно сидел в назначенный час около пианино и пытался ему подыгрывать на дудочке, какие обычно бывают у мальчишек. Ему еще не исполнилось и тринадцати, а он уже извлекал живые и дразнящие звуки регтайма из потрепанной виолончели в небольших кафе пригородов Нэшвилла. Через восемь лет вся страна от регтайма с ума сходила, и с собой в турне «Сиротки» он взял шестерых негров. С пятерыми из них он вместе вырос; шестой был маленький мулат, Бэйб Дивайн, который работал в Нью-Йоркском порту, а до этого работал на бермудской плантации, до тех пор, пока не вонзил восьмидюймовое лезвие в спину хозяина. Не успел еще Карлиль осознать, что поймал удачу за хвост, как уже оказался на Бродвее, и предложения подписать контракт сыпались со всех сторон, и денег было столько, сколько ему и не снилось.

Как раз в это время в его характере наметилась перемена, довольно любопытная и, скорее, горькая. Он понял, что тратит свои лучшие годы на сидение на сцене с целой кучей черных парней. Их номер был хорош в своем роде – три тромбона, три саксофона и флейта Карлиля, а также его особое чувство ритма, которое и отличало их от сотен других; но неожиданно он стал слишком чувствителен к своему успеху, начал ненавидеть саму мысль о выступлениях: с каждым днем они ужасали его все больше и больше.

Они делали деньги – каждый подписанный контракт приносил все больше и больше, но когда он пошел к менеджерам и заявил о своем желании оставить секстет и продолжить выступления уже в качестве обычного пианиста, те просто подняли его на смех и сказали, что он сошел с ума – ведь это стало бы «профессиональным самоубийством»! Впоследствии выражение «профессиональное самоубийство» всегда вызывало у него смех. Они все так говорили.

Несколько раз они играли на частных балах, получая по три тысячи долларов за ночь, и, кажется, здесь и выкристаллизовалось все его отвращение к добыванию хлеба насущного таким образом. Они играли в домах и клубах, в которые его бы никогда не пустили при свете дня. Вдобавок он всего лишь играл роль вечного кривляки, что-то вроде возвышенной хористки. Его уже тошнило от одного только запаха театра, от пудры и помады, от болтовни в фойе, от покровительственных аплодисментов из лож. Он больше не мог вкладывать в это свое сердце. Мысль о медленном приближении к роскоши досуга сводила его с ума. Он, конечно, делал кое-какие шаги в этом направлении, – но, как ребенок, он лизал свое мороженое так медленно, что не чувствовал никакого вкуса.

Ему хотелось иметь много денег и свободного времени, иметь возможность читать и играть, и чтобы вокруг него были такие люди, которых рядом с ним никогда не было – из

тех, которые, если бы им вообще пришло в голову задуматься о нем, сочли бы его жалким ничтожеством; в общем, ему хотелось всего того, что он уже начал презирать под общим термином «аристократичность», та аристократичность, которую, как кажется, можно было купить за деньги – но только за деньги, сделанные не так, как делал их он. Тогда ему было двадцать пять, у него не было ни семьи, ни образования, ни каких-либо задатков для деловой карьеры. Он начал беспорядочно играть на бирже, и через три недели потерял все, до последнего цента.

Затем началась война. Он поехал в Платтсбург, но его преследовало его ремесло. Бригадный генерал вызвал его в штаб и объявил, что он сможет гораздо лучше послужить Родине, если возглавит ансамбль – так он и провел всю войну, развлекая знаменитостей вдали от линии фронта вместе со штабным оркестром. Это было не так уж и плохо – если не считать того, что при виде пехоты, ковыляющей домой из окопов, он страстно желал быть одним из них. Их пот и грязь казались ему теми единственными священными знаками аристократичности, которые вечно от него ускользали.

– Все случилось на частном балу. Когда я вернулся с войны, все пошло по-прежнему. Мы получили приглашение от синдиката отелей во Флориде. И тогда осталось лишь выбрать время.

Он неожиданно умолк, Ардита выжидательно посмотрела на него, но он покачал головой.

– Нет, – сказал он, – я не собираюсь вам об этом рассказывать. Я получил громадное удовольствие, и теперь боюсь, что оно будет испорчено, если я им с кем-нибудь поделюсь. Я хочу оставить себе те несколько безмолвных, героических мгновений, когда я стоял перед ними и дал им почувствовать, что я – нечто большее, чем дурацкий пляшущий и гогочущий клоун.

С носа яхты неожиданно донеслось тихое пение. Негры собрались на палубе, и их голоса слились в гипнотизирующую мелодию, уплывавшую в резких гармониях вверх, к луне.

Мама,
Мама,
Мама хочет отвести меня на Млечный Путь.
Папа,
Папа,
Папа говорит: «Об этом позабудь!»
Но мама говорит: «Пойдем!»
Мама говорит: «Пойдем!»

Карлиль вздохнул и замолчал, глядя вверх на сонм звезд, мерцавших в ясном небе, как электрические лампочки. Негритянская песня перешла в какой-то жалобный стон и казалось, что мерцание звезд в абсолютной тишине усиливалось с каждой минутой до такой степени, что можно было расслышать, как русалки совершают свой полночный туалет, причесывая серебрящиеся мокрые локоны при свете луны и шепчась друг с другом о прекрасных затонувших кораблях, в которых они живут на переливающихся зеленых авеню на дне.

– Смотри, – тихо сказал Карлиль, – вот красота, которой я хотел бы обладать. Красота должна быть поразительной, удивительной – она должна нахлынуть на тебя, как сон, как взгляд идеальной женщины.

Он повернулся к ней, но она молчала.

– Ты видишь, Анита... Я хотел сказать, Ардита?

Но она молчала. Она уснула.

IV

На следующий день, в разгар залитого солнцем полдня, неясное пятно в море прямо по курсу постепенно приобрело очертания серо-зеленого островка суши. Огромный гранитный

утес с северной стороны на протяжении мили косогором спускался к югу, и яркие заросли и трава медленно переходили в песок пляжа, медленно исчезающий прямо в прибое. Когда Ардита, сидевшая на своем излюбленном месте, дошла до последней страницы «Восстания Ангелов», захлопнула книгу и взглянула вперед, то увидела остров и негромко вскрикнула от удивления, привлекая внимание задумчиво стоявшего у борта Карлиля.

– Это он? Это то место, куда вы шли?

Карлиль вздрогнул от неожиданности.

– Вы меня напугали.

Он громко крикнул шкиперу, стоявшему за штурвалом:

– Эй, Бэйб, это и есть твой остров?

Миниатюрная голова мулата появилась в окошке на верхней палубе.

– Да, сэр. Это точно он!

Карлиль подошел к Ардите.

– Выглядит неплохо, не правда ли?

– Да, – согласилась она, – но он не выглядит достаточно большим для того, чтобы на нем можно было искать убежища.

– Вы все еще надеетесь на те телеграммы, которыми ваш отец якобы собирался заполнить эфир?

– Нет, – откровенно сказала Ардита. – Я за вас! Мне бы доставило большое удовольствие помочь вам скрыться.

Он рассмеялся.

– Вы – наша Леди Удача. Думаю, что нам придется хранить вас, как талисман – по крайней мере, в ближайшее время.

– Вы вряд ли уговорите меня плыть обратно, – холодно заметила она. – Но если у вас получится, то мне ничего больше не останется делать, кроме как начать писать бестселлеры на основе той бесконечной истории вашей жизни, которой вы так любезно поделились со мной вчера.

Он залился краской и слегка отстранился от нее.

– Сожалею, что нагнал на вас скуку.

– О, нет – ну, если не считать того момента, когда вы начали рассказывать о том, как вам было плохо от того, что вы не могли танцевать с дамами, для которых играли.

Он возмущенно поднялся.

– А у вас довольно злой язык!

– Простите меня, – сказала она, рассмеявшись, – но я не привыкла к мужчинам, потчующим меня историями своих жизненных амбиций – особенно живущим такой сверхидеальной жизнью.

– Почему же? Чем обычно услаждают ваш слух мужчины?

– Ну, они говорят обо мне, – она зевнула. – Они говорят мне, что я – воплощение молодости и красоты.

– А что говорят им вы?

– А я молча соглашаюсь.

– И каждый мужчина говорит вам, что любит вас?

Ардита кивнула.

– А почему бы и нет? Вся жизнь вертится вокруг единственной фразы: «Я люблю тебя».

Карлиль рассмеялся и сел.

– Совершенно верно. Неплохо сказано. Вы придумали?

– Да – ну, точнее, я на это наткнулась. Это не важно. Просто это мудро.

– Это типичное выражение вашего класса, – серьезно произнес он.

– О, нет, – быстро перебила она, – не начинайте снова лекцию об аристократичности! Я не люблю людей, которые говорят о чем-то серьезном по утрам. Это – легкая форма безумия, что-то вроде «послезавтрачных» приступов. Утром нужно либо спать, либо плавать, либо вообще ничего не делать.

Через десять минут они широко развернулись, собираясь пристать к острову с севера.

– Что-то тут не так, – глубокомысленно заметила Ардита. – Вряд ли он хочет просто бросить якорь у этих скал.

Они шли прямо на скалу высотой футов сто с лишним, и только когда до камней оставалось не больше пятидесяти ярдов, Ардита увидела цель. И захлопала в ладоши от удовольствия. В скале была расщелина, совершенно скрытая нависавшим сверху каменным козырьком, и через эту щель яхта прошла в узкий канал, где мягко плескалась кристально чистая вода, окруженная высокими серыми стенами. А затем они бросили якорь в зелено-золотом мирке – залитой солнцем бухте, где вода казалась застывшим стеклом, а по берегам росли небольшие пальмы. Все вместе напоминало зеркальные озера и игрушечные деревья, которые дети ставят в песочницах.

– Чертовски неплохо! – возбужденно воскликнул Карлиль. – Видно, маленький пройдоха прекрасно знает этот угол Атлантики!

Его эмоции были заразительны, и Ардита тоже возликовала.

– Это самое что-ни-на-есть лучшее убежище!

– О, Господи! Да это же остров из книжки!

На золотую гладь воды была спущена шлюпка, и они пошли к берегу.

– Пойдемте осмотрим остров, – сказал Карлиль, когда шлюпка уткнулась носом в мокрый песок.

Бахрома прибрежных пальм была окаймлена целыми милями ровного песка. Они пошли вглубь острова, на юг, миновали кромку тропической растительности на жемчужно-сером нетронutom пляже, где Ардита сбросила свои коричневые спортивные туфли – как видно, она сознательно избегала носить чулки, – и продолжили путь по берегу. Затем, не торопясь, они вернулись на яхту, где неутомимый Бэйб уже успел приготовить для них ланч. Он выставил часового на вершине утеса, чтобы присматривать за морем со всех сторон – хотя у него и были большие сомнения по поводу того, что вход в ущелье был хорошо известен, так как он никогда не видел карты, на которой этот остров был бы обозначен.

– Как его имя, – спросила Ардита, – я имею в виду остров?

– Он никак не называется, – рассмеялся Бэйб, – это просто остров, и все.

Поздним вечером они сидели на верхушке скалы, опираясь на огромные валуны, и Карлиль рассказывал ей о своих дальнейших планах. Он был уверен, что к этому времени погоня уже началась. По его оценке, общая сумма куша, который они урвали и о котором он все еще избегал с ней говорить, составляла около миллиона долларов. Он рассчитывал отсидеться здесь несколько недель, а затем направиться на юг, избегая оживленных судоходных маршрутов, обогнуть мыс Горн и направиться в Перу, на Калао. Детали вроде топлива и провизии были полностью за Бэйбом, который, кажется, проплыл эти моря во всех ипостасях, начиная с юнги на судне с кофе и заканчивая первым помощником на бразильской пиратской посудине, шкипер которой был давным-давно повешен.

– Если бы он был белым, он бы давно уже стал латиноамериканским королем, – категорически заявил Карлиль. – Что касается ума, то на его фоне Букер Т. Вашингтон выглядел бы законченным болваном. В нем собрана хитрость всех рас и национальностей, кровь которых течет в его венах, а их не меньше полудюжины, или я – лгун! Он обожествил меня потому, что я – единственный человек на свете, который играет регтайм лучше, чем он. Мы сидели с ним на пристани в Нью-Йорке, он – с фаготом, я – с гобоем, и играли африканские блюзы, которым

уже сотни лет, и крысы выползали из-под свай и рассаживались вокруг, визжа и подвывая, как собаки перед граммофоном.

Ардита оглушительно расхохоталась.

– Да уж, рассказывайте!

Карлиль широко улыбнулся.

– Клянусь вам, что они...

– И что вы собираетесь делать, когда доберетесь до Калао? – перебила она.

– Сяду на корабль и поплыву в Индию. Я хочу стать раджой. Именно так! Я хочу как-нибудь добраться до Афганистана, купить дворец и репутацию, а затем, лет через пять, объявиться в Англии, с иностранным акцентом и загадочным прошлым. Но сначала – Индия. Ведь говорят, что все золото мира постепенно стекается обратно, в Индию. В этом для меня есть что-то завораживающее. И еще мне нужен досуг для чтения – причем в неограниченных количествах.

– А затем?

– А затем, – вызывающе ответил он, – придет черед аристократичности. Смейтесь, если вам так хочется, – но по крайней мере вам следует признать, что я знаю, чего хочу, – что вам, как я понимаю, вовсе не свойственно.

– Напротив, – возразила Ардита, ища в кармане портсигар, – в момент нашей встречи я как раз находилась в эпицентре взрыва эмоций всех моих знакомых и родственников; взрыв был вызван тем, что я как раз и определила свою цель.

– И что это была за цель?

– Это был мужчина.

Он вздрогнул.

– Вы хотите сказать, что решились на помолвку?

– Что-то вроде. Если бы вы не взошли на борт, я бы совершенно точно ускользнула на берег вчера вечером – кажется, будто прошла уже целая вечность! – и встретила бы с ним в Палм-Бич. Он ждет меня там с браслетом, который когда-то принадлежал русской царице Екатерине. Аристократичность тут ни при чем, – быстро проговорила она, – он понравился мне только потому, что у него есть фантазия и необычная смелость убеждений.

– Но ваша семья его не одобрила, да?

– Какая там семья – всего лишь глупый дядюшка да глупая тетушка. Кажется, он был замешан в каком-то скандале с рыжей дамочкой по имени Мими или что-то вроде этого – из мухи сделали слона, как он сказал, а мне мужчины никогда не лгут – и вообще, меня совершенно не касается его прошлое; будущее – вот что меня интересует. И я смотрела с этой точки зрения. Когда мужчина влюблен в меня, ему больше ничего не нужно. Я сказала ему, и он отбросил ее, как горячий пирожок.

– Завидую, – сказал Карлиль и нахмурился, а затем рассмеялся. – Думаю, что я буду держать вас до тех пор, пока мы не прибудем в Калао. А потом я дам вам сумму, достаточную для того, чтобы вы смогли вернуться в Штаты. Ну а до этого у вас будет достаточно времени, чтобы еще раз взвесить все, что вам известно об этом джентльмене.

– Не говорите со мной таким тоном! – взорвалась Ардита. – Я не терплю покровительственного тона! Понятно?

Он было засмеялся, но тут же перестал, смутившись, так как ее холодная ярость, казалось, окутала его с головы до ног и ему стало не по себе.

– Мне очень жаль, – неуверенно сказал он.

– О, не извиняйтесь! Не могу видеть мужчин, которые говорят «Мне очень жаль!» таким мужественным, спокойным голосом. Просто замолчите!

Последовала пауза, показавшаяся Карлилю весьма неловкой, но совершенно не замеченная Ардитой – она сидела и наслаждалась своей сигаретой, глядя на сияющее море. Спустя

минуту она переползла на скалу и улеглась там, опустив лицо за край и глядя вниз. Карлиль, наблюдая за ней, думал о том, что ее грация не зависит от позы.

– Скорее сюда! – крикнула она. – Там, внизу, целая куча уступов. Они широкие, на разных высотах!

Он присоединился к ней, и они вместе стали смотреть вниз с головокружительной высоты.

– Мы пойдем купаться сегодня же! – возбужденно сказала она. – Под луной.

– Разве вам не хочется пойти на пляж с той стороны?

– Нет. Мне нравится нырять. Вы можете взять купальный костюм моего дядюшки, – правда, он будет сидеть на вас мешком, потому что он довольно грузный человек. А у меня есть штучка, которая шокировала всех туземцев Атлантического побережья от Бидфорд-Пул до Сент-Огастина.

– Так вы – русалка?

– Да, я неплохо плаваю. И выгляжу тоже неплохо. Один скульптор прошлым летом сказал, что мои икры стоят пять сотен долларов.

На это ответить было нечего, и Карлиль промолчал, позволив себе только неопределенную улыбку «про себя».

V

Когда спустилась ночь и вокруг заиграли серебристо-голубые тени, их шлюпка прошла мерцающей протокой и они, привязав лодку к выступавшему из воды камню, вместе стали карабкаться на скалу. Первый уступ находился на высоте десяти футов, он был широк и представлял из себя естественный трамплин для ныряния. В ярком лунном свете они сели на камень и стали смотреть на маленькие волны; вода была почти как зеркало, потому что начался отлив.

– Вам хорошо? – неожиданно спросил он.

Она кивнула в ответ.

– Всегда хорошо у моря. Вы знаете, – продолжила она, – весь день я думала о том, что мы с вами в чем-то похожи. Мы оба бунтари – правда, по разным причинам. Два года назад, когда мне было восемнадцать, а вам...

– Двадцать пять.

– Да, и вы и я были обычными людьми, добившимися успеха. Я была совершенно потрясающей дебютанткой, а вы были процветающим музыкантом, только что из армии...

– Настоящий джентльмен, со слов Конгресса, – иронично вставил он.

– В общем, как ни крути, мы оба неплохо вписались в общество. Все наши острые углы были если не сточены, то, по крайней мере, сильно сглажены. Но где-то глубоко внутри нас было что-то, требовавшее для счастья большего. Я не знала, чего я хочу. Я порхала от мужчины к мужчине, без усталости, в предвкушениях, месяц за месяцем все более раздражаясь и ничего не находя. Я даже иногда сидела, кусая губы, и думала, что схожу с ума – я так сильно чувствовала всю мимолетность жизни. Все, что я хотела, мне было нужно сейчас – прямо здесь и сейчас! Вот она я – прекрасная, – не правда ли?

– Да, – нерешительно согласился Карлиль.

Ардита неожиданно встала.

– Одну минуту. Я только попробую эту восхитительно выглядящую воду.

Она подошла к краю уступа и резко прыгнула в море – сделав двойное сальто, она выпрямилась в воздухе и вошла в воду прямо, как лезвие.

Через минуту до него донесся ее голос:

– Знаете, я раньше читала целыми днями и даже по ночам. Я начала презирать общество...

– Поднимайтесь наверх, – перебил он ее, – что вы там такое делаете?

– Просто плыву на спине. Я буду наверху через минуту. Я хочу вам сказать... Единственное, что доставляло мне удовольствие, – это шок других людей; я носила самые невозможные и удивительные платья на вечеринках, появлялась в обществе всем известных нью-йоркских плейбоев и принимала участие в самых адских из возможных скандалах.

Ее слова заглушались плеском воды; затем послышалось ее учащенное дыхание, когда она начала карабкаться сбоку на скалу.

– Давайте тоже! – крикнула она.

Он послушно поднялся и нырнул. Когда он, мокрый, взобрался на скалу, то обнаружил, что ее на выступе нет, но спустя долгую секунду послышался ее негромкий смех с другого выступа, находившегося выше футов на десять. Он присоединился к ней, и мгновение они сидели тихо, обхватив руками колени, восстанавливая дыхание после подъема.

– Вся семья была вне себя, – неожиданно сказала она. – Они попробовали выдать меня замуж и таким образом сбыть с рук. И когда я начала уже думать, что, в конце концов, жизнь едва ли стоит того, чтобы жить, я нашла кое-что, – она торжествующе взглянула в небо, – я нашла!

Карлиль ждал продолжения, и ее речь стала стремительной.

– Смелость – вот что! Смелость, как норма жизни, то, за что всегда нужно держаться. Я начала воспитывать в себе великую веру в собственные силы. Я увидела, что все мои прошлые кумиры несли в себе какую-то крупицу смелости, и именно это меня бессознательно к ним влекло. Я стала отделять смелость от всех остальных вещей. Все проявления смелости: избитый, окровавленный боксер, встающий драться снова и снова, – я раньше заставляла мужчин брать меня с собой на матчи; деклассированная дама, находящаяся в гнезде сплетниц и смотрящая на них так, будто все эти богачки – грязь под ее ногами; нестеснение тем, что тебе всегда нравится; не ставить ни во что мнение других людей – просто жить так, как нравится тебе, и умереть по-своему... Вы взяли с собой сигареты?

Он протянул ей одну и молча поднес спичку.

– Тем не менее, – продолжила Ардита, – вокруг меня продолжали увиваться мужчины – старые и молодые, умственно и физически стоявшие на низшей ступени развития по сравнению со мной, – но все же страстно желавшие обладать мной, обладать той притягательной и гордой жизнью, которую я построила для себя. Понимаете?

– Вроде да. Вам не приходилось быть битой, вы никогда не извинялись.

– Никогда!

Она бросилась к краю, на мгновение картинно замерла на фоне неба, широко расставив руки; затем, описав крутую параболу, без единого всплеска ушла в воду прямо посередине между двумя барашками в двадцати фунтах вниз.

Ее голос снова донесся до него:

– И смелость для меня стала прорывом сквозь плотный серый туман, который опускается на жизнь, – и не только победой над людьми и над обстоятельствами, но и победой над бледностью существования. Чем-то вроде подтверждения ценности жизни и цены мимолетности вещей.

Она уже карабкалась наверх, и с последними словами ее голова с мокрыми светлыми волосами, закинутыми назад, появилась у края скалы.

– Ну хорошо, – возразил Карлиль, – вы можете звать это смелостью, но вся эта смелость в действительности покоится на вашем общественном положении. Вся эта непокорность была в вас воспитана. А в моей серой жизни даже смелость – всего лишь одна из многих безжизненных и серых вещей.

Она сидела у края, обняв свои колени и просто глядя на луну; он стоял поодаль, втиснутый в каменную нишу, подобный гротескному изваянию какого-то бога.

– Не хочу говорить, как Поллианна, – начала она. – Но тем не менее, вы меня не поняли. Моя смелость – это вера, вера в свою бесконечную упругость – что радость всегда возвращается, и надежда, и непосредственность тоже. И я думаю, что до тех пор, пока это так, я должна крепко сжимать свои губы и держать голову высоко, а глаза должны быть широко открыты – и нет необходимости во всяких глупых улыбочках. О, я достаточно часто проходила сквозь ад без единого звука – а женский ад будет страшнее мужского.

– Но предположим, – сказал Карлиль, – что прежде чем радость, надежда и прочее вернулись, туман, окутавший вас, привел бы вас к чему-то большему и лучшему?

Ардита встала, подошла к стене и не без труда вскарабкалась на следующий уступ, еще на десять-пятнадцать футов.

– Ну и что, – крикнула она оттуда, – все равно я победила!

Он подошел к краю так, чтобы видеть ее.

– Лучше не ныряйте оттуда! Вы разобьетесь! – крикнул он.

Она рассмеялась.

– Только не я!

Она медленно развела руки в стороны и как лебедь застыла, излучая гордость своим юным совершенством, отдавшимся в груди Карлиля чем-то теплым.

– Мы проходим сквозь ночь, широко раскинув руки, – крикнула она, – и наши ноги выпрямлены и подобны хвостам дельфинов, и мы думаем, что никогда не коснемся серебряной глади там, внизу, – до тех пор, пока все вокруг нас мгновенно не превращается в теплые и нежные волны!

И вот она уже в воздухе, и Карлиль невольно задержал дыхание. До этого он не осознавал, что она прыгнула с сорока футов. Ему казалось, что до того мгновения, когда послышался короткий звук, означавший, что она вынырнула, прошла вечность.

Услышав ее негромкий смех где-то сбоку от утеса, он вздохнул с облегчением и осознал, что любит ее.

VI

Не преследовавшее никаких целей время сыпалось песком сквозь их пальцы на протяжении трех дней. Когда, спустя час после рассвета, солнце показывалось в иллюминаторе каюты Ардиты, она с радостью вставала, надевала купальный костюм и шла на палубу. Увидев ее, негры оставляли работу и толпились у борта, хихикая и тараторя, в то время как она плавала, подобно проворной рыбке, то исчезая, то возникая над поверхностью воды. Когда наступала вечерняя прохлада, она снова шла плавать и бездельничать вместе с Карлилем, покуривая на утесе, или же просто болтала с ним ни о чем, лежа на песке южного пляжа, а в основном занимаясь созерцанием того, как ярко и драматично день погружается в безграничную тишину тропического вечера.

Под действием долгих, заполненных солнцем часов Ардита перестала считать это происшествие нелепой случайностью, оазисом романтики в пустыне реальности. Она боялась, что скоро настанет момент, когда он отправится на юг; она стала страшиться всех непредвиденных обстоятельств, которые могли возникнуть на его пути; мысли были неожиданно беспокойными, а все решения представлялись ненавистными. Если бы среди варварских ритуалов, царивших в ее душе, нашлось место молитве, она просила бы только о том, чтобы на некоторое время все оставалось неизменным. Она и сама не заметила, что привыкла принимать как данное готовый поток наивной философии Карлиля, рожденной его мальчишеским воображением и расположением к мономании, которое, казалось, проходило главной артерией сквозь весь его характер и окрашивало каждое его действие.

Но этот рассказ вовсе не о двоих на острове; любовь, порождаемая изоляцией – не главное. Главное – это две личности, и идиллическое место действия среди пальм на пути Гольфстрима всего лишь случайное обстоятельство. Большинство из нас вполне довольны одной лишь возможностью существовать, плодиться, а также бороться за право это делать, но доминирующая идея, подспудное желание управлять чужими судьбами, достается на долю лишь счастливым – или не очень? – немногим. Для меня самое интересное в Ардите – это смелость в столкновении с ее красотой и молодостью.

– Возьми меня с собой! – сказала она в один из вечеров, когда они лениво сидели на траве под одной из даривших днем тень пальм. Негры привезли на берег свои музыкальные инструменты, и звуки диковинного регтайма медленно плыли окрест, смешиваясь с теплым дыханием ночи.

– Мне хотелось бы появиться снова, через десять лет, в образе сказочно богатой и знатной индианки, – продолжила она.

Карлиль бросил на нее быстрый взгляд.

– Ты же знаешь, что ты можешь.

Она рассмеялась.

– Это предложение руки и сердца? Экстракласс! Ардита Фарнэм становится невестой пирата! Девушка из общества похищена музыкантом – потрошителем банков!

– Это был не банк.

– А что это было? Почему ты не хочешь мне рассказать?

– Я не хочу разрушать твоих иллюзий.

– Мой дорогой, у меня насчет тебя нет никаких иллюзий.

– Я имел в виду твои иллюзии насчет себя самой.

Она удивленно посмотрела на него.

– Насчет меня? Да что я вообще могу иметь общего с бог-знает-каким криминалом, которым занимался ты?

– Поживем – увидим!

Она встала и погладила его по руке.

– Дорогой мистер Карлис Карлиль, – тихо сказала она, – вы что, в меня влюбились?

– Как будто это что-то значит.

– Но это действительно значит – потому что я думаю, что я тебя люблю.

Он иронично посмотрел на нее.

– Таким образом, ваш счет в январе составит ровно полдюжины, – предположил он. – Думаете, я приму ваш блеф и попрошу поехать со мной в Индию?

– Уверена!

Он пожал плечами.

– Можно пожениться в Калао.

– Какую жизнь ты можешь мне предложить? Я не хочу тебя обидеть, я совершенно серьезно: что будет со мной, если те, кто очень хочет получить награду в двадцать тысяч, когда-нибудь достигнут своей цели?

– Я думал, что ты ничего не боишься.

– А я и не боюсь – просто я не хочу потратить свою жизнь впустую ради того, чтобы это доказать.

– Как бы я хотел, чтобы ты была из бедных. Обычной бедной девочкой, мечтающей в тени забора где-нибудь в южной глубинке.

– Так было бы лучше?

– Я бы получал удовольствие от твоего изумления – просто глядя, как твои глаза широко раскрывались бы, глядя на вещи. Если бы они были тебе нужны! Понимаешь?

– Кажется. Что-то вроде девушек, рассматривающих витрины ювелирных магазинов?

– Да. Которым хочется овальные часы из платины, и чтобы по краям – изумруды. И как только ты решила бы, что они слишком дороги, и выбрала бы что-нибудь из белого золота за сотню долларов, я бы сказал: «Слишком дорогие? Ну нет!» И мы бы зашли в магазин, и очень скоро платина бы матово засияла на твоём запястье.

– Это звучит так мило и вульгарно – и смешно, не правда ли? – промурлыкала Ардита.

– Не правда ли? Да ты только представь себе, как мы путешествуем по миру, разбрасывая деньги направо и налево, боготворимые посыльными и официантами! О, блаженны простые богачи, ибо они наследуют землю!

– Я действительно хочу, чтобы так все и было.

– Я люблю тебя, Ардита, – нежно сказал он.

На мгновение детскость пропала с ее лица – оно стало необычно серьезным.

– Мне нравится быть с тобой, – сказала она, – больше, чем с любым другим мужчиной из всех, каких я только встречала. И мне нравятся твои глаза, и твои темные волосы, и как ты перескакиваешь через борт, когда мы сходим на берег. Фактически, Картис Карлиль, мне нравится в тебе все, когда ты ведешь себя естественно. Я думаю, что у тебя сильная воля, и ты знаешь, как я это ценю. Иногда рядом с тобой меня одолевает искушение неожиданно поцеловать тебя и сказать тебе, что ты – просто мальчишка, голова которого набита идеалами и чушью о классовых различиях. Если бы я была немного старше и немного более устала от жизни, я бы, вероятно, пошла с тобой. Но сейчас я хочу вернуться домой и выйти замуж – за другого.

На той стороне посеребренного залива в лунном свете извивались и корчились фигуры негров – они не могли не повторять свои трюки от переизбытка нерастраченной энергии, как акробаты, которым пришлось провести много времени в бездействии. Они все, как один, маршировали, описывая концентрические окружности, то забросив головы назад, то нависая над своими инструментами, как пасторальные фавны. Тромбон и саксофон вторили друг другу, рождая мелодию, то буйно-веселую, то назойливо-жалостную, как пляска смерти в сердце Конго.

– Давай потанцуем! – крикнула Ардита. – Я не могу спокойно слушать такой шикарный джаз!

Взяв ее за руку, он привел ее на широкий участок твердого песчаника, который ярко сверкал под луной. Они порхали как прекрасные мотыльки в ярком сумрачном свете, и фантастическая гармония, плачущая и ликующая, дрожащая и отчаянная, заставила Ардиту потерять чувство реальности; она полностью отдалась исполненным грез ароматам тропических цветов и безграничным звездным пространствам над головой, чувствуя, что если она откроет глаза, то может оказаться, что она танцует с призраком на планете, созданной ее собственным воображением.

– Вот так я себе и представлял настоящий танец, – прошептал он.

– Я чувствую, что схожу с ума – и мне так здорово!

– Мы заколдованы. Тени бесчисленных поколений каннибалов наблюдают за нами с высоты того утеса.

– Бьюсь об заклад, каннибалки говорят, что мы танцуем слишком близко друг к другу и что я выгляжу совершенно непристойно без кольца в носу.

Они оба тихо рассмеялись – но смех утих, когда они услышали, что на той стороне озера звуки тромбонов замерли на полуноте, а саксофоны издали резкие стоны и тоже замолчали.

– Что случилось? – крикнул Карлиль.

Ответа не последовало, но через минуту они заметили человека, бежавшего по берегу серебрищегося в лунном свете озера. Когда он приблизился, они увидели, что это был необыкновенно возбужденный Бэйб. Он перешел на шаг и выпалил свои новости.

– Корабль стоит в полумиле, сэр. Моуз, он на вахте, сказал, что они бросили якорь.

– Корабль... Что за корабль? – обеспокоенно спросил Карлиль.

В его голосе было смятение, и сердце Ардиты забилося сильнее, когда она увидела, что его лицо осунулось.

– Он говорит, что не знает, сэр.

– Они спустили шлюпку?

– Нет, сэр.

– Поднимаемся наверх! – сказал Карлиль.

Они в молчании поднялись на холм – рука Ардиты после танца все еще находилась в руке Карлиля. Она чувствовала, как он нервно сжимает ее время от времени, как будто не отдавая себе отчета, и хотя ей было немного больно, она даже не пыталась освободиться. Казалось, прошел час, пока они взобрались на вершину, осторожно переползли освещенную площадку и оказались у края скалы. Бросив взгляд на море, Карлиль невольно вскрикнул. Это был пограничный катер с шестидюймовыми пушками на носу и на корме.

– Они знают! – сказал он, шумно вздохнув. – Они знают! Нас каким-то образом выследили.

– Ты уверен, что они знают про расщелину? Они могли просто бросить якорь, чтобы взглянуть на остров при солнечном свете. Оттуда, где они стоят, расщелина не видна.

– Видна, если посмотреть в бинокль, – безнадежно произнес он. Затем посмотрел на часы. – Сейчас почти два часа. Они ничего не предпримут до рассвета, в этом я уверен. Конечно, остается еще слабая надежда на то, что они просто ждут какой-то другой корабль – может, угольщик...

– Пожалуй, переночуем прямо здесь.

Спустя два часа они лежали все там же, бок о бок, уткнув подбородки в локти, как это часто делают дети во сне. Позади сидели на корточках негры, спокойные, молчаливые и покорные судьбе, время от времени извещавшие звонким храпом о том, что даже присутствие опасности не покорит непобедимую африканскую склонность ко сну.

Около пяти утра к Карлилю подошел Бэйб. Он сказал, что на борту «Нарцисса» есть полдюжины винтовок. Было ли принято решение не оказывать сопротивления? Хорошую драку можно было бы устроить, сказал он, если заранее разработать план.

Карлиль рассмеялся и покачал головой.

– Это не кучка шпиков, Бэйб. Это пограничный катер. Это как лук со стрелами выставить против пулемета. Если ты хочешь где-нибудь спрятать мешки, чтобы потом их забрать, давай, действуй. Но это вряд ли сработает – они перекопают остров вдоль и поперек. Битва проиграна, Бэйб.

Бэйб молча поклонился и развернулся, а Карлиль повернулся к Ардите и хрипло сказал:

– Это мой самый лучший друг. Он с радостью отдал бы за меня жизнь, если бы я ему позволил.

– Вы сдаетесь?

– У меня нет выбора. Конечно, выход есть всегда – самый надежный выход, – но это подождет. Я ни за что не пропущу суд над собой – это будет интересное испытание славой, пусть и дурной. «Мисс Фарнэм свидетельствует, что пират все это время относился к ней как джентльмен».

– Не надо! – сказала она. – Мне ужасно жаль...

Когда небо поблекло и матово-синий цвет сменился свинцово-серым, на палубе корабля стало наблюдаться какое-то движение, а у борта появились офицеры в белых парусиновых костюмах. В их руках были бинокли, они внимательно изучали островок.

– Вот и все, – мрачно промолвил Карлиль.

– Черт возьми! – прошептала Ардита. Она почувствовала, что слезы подступают к глазам.

– Мы возвращаемся на яхту, – сказал он. – Я предпочитаю, чтобы меня взяли там, а не гнали меня по земле, как опоссума.

Оставив площадку, они спустились к подножию холма, дошли до озера и сели в шлюпку, в которой притихшие негры доставили их на яхту. Затем, бледные и измученные, они уселись на канapé и стали ждать.

Спустя полчаса в предрассветных сумерках из устья канала показался нос пограничного катера, который сразу же остановился, явно опасаясь, что бухта может оказаться для него слишком мелка. Но, увидев яхту, мирно качавшуюся на волнах, мужчину и девушку на канapé, негров, с праздным любопытством слонявшихся по палубе, на катере решили, что сопротивления не будет, и с обоих бортов небрежно спустили две шлюпки, в одной из которых находился офицер с шестью матросами, в другой – четверо гребцов и двое седовласых мужчин в костюмах яхтсменов на корме. Ардита и Карлиль поднялись, и, сами того не сознавая, прильнули друг к другу. Затем он неожиданно сунул руку в карман, извлек оттуда круглый, блестящий предмет и подал его ей.

– Что это? – удивилась она.

– Я не уверен, но, судя по русским буквам, которые можно разглядеть на внутренней стороне, думаю, что это обещанный вам браслет.

– Откуда – откуда вы...

– Он из этих сумок. Видите ли, «Картис Карлиль и шесть черных малышей» прямо во время своего выступления в холле отеля «Палм-Бич» неожиданно сменили инструменты на автоматы и ограбили зрителей. Я взял этот браслет у симпатичной, сильно напудренной рыжеволосой леди.

Ардита нахмурилась, а затем улыбнулась.

– Так вот что вы сделали! Да, смелости вам не занимать.

Он поклонился.

– Свойственное всем буржуа качество, – сказал он.

А затем на палубу косо упал рассвет, расшвыривая дрожащие тени по серым углам. Утренняя роса превратилась в золотой туман, невесомый, как сон, окутавший их так, что они стали похожи на призрачные тени прошедшей ночи, бесконечно мимолетные и уже поблекшие. В это мгновение и море, и небо погрузились в тишину, будто рассвет своей розовой ладошкой прикрыл дыхание жизни, а затем из бухты донеслись жалобные стоны уключин и плеск весел.

На фоне золотого горнила, заплывавшего с востока, их грациозные фигуры неожиданно слились в одну, и он поцеловал ее прямо в капризно изогнутые губы.

– Я как в раю, – пробормотал он через секунду.

Она улыбнулась ему.

– Счастлив, да?

И ее вздох стал благословением – экстатической уверенностью в том, что в этот момент она была как никогда юна и прекрасна. Еще мгновение жизнь была лучезарной, а время – прозрачным, и их сила – бесконечной, а затем раздался глухой удар и царапающий звук шлюпки, вставшей у борта.

По трапу вскарабкались двое седовласых мужчин, офицер и пара матросов, державших в руках револьверы. Мистер Фарнэм раскрыл было руки для объятий, но остановился, глядя на племянницу.

– Н-да, – сказал он, медленно опустив голову.

Она со вздохом освободила шею Карлиля от объятий, и ее взгляд, преображенный и отсутствующий, упал на поднявшихся на борт. Дядя заметил, как ее губы высокомерно искривились – ему была знакома эта гримаса.

– Итак, – с чувством произнес он, – вот как ты, оказывается, представляешь себе романтику. Убежать ото всех и завести роман с морским разбойником.

Ардита беззаботно посмотрела на него.

– Какой же ты старый и глупый, – негромко ответила она.

– Это все, что ты намерена сказать в свою защиту?

– Нет, – сказала она, как бы задумавшись. – Нет, есть кое-что еще. То самое хорошо тебе известное выражение, которым я заканчивала большинство наших разговоров на протяжении последних нескольких лет: «Отстань!»

И с этим она, бросив быстрый презрительный взгляд на двух стариков, офицера и обоих матросов, развернулась и гордо сошла по трапу вниз, в кают-компанию.

Но если бы она задержалась еще на миг, то смогла бы услышать нечто, что было совершенно несвойственно ее дядюшке в подобных ситуациях. Он весело, от всего сердца, рассмеялся, а через секунду к нему присоединился и второй старик.

Он проворно повернулся к Карлилю, который, как ни странно, наблюдал всю эту сцену, тоже еле сдерживая смех.

– Ну что, Тоби, – сказал он добродушно, – неизлечимый ты мой романтик и неосторожный мечтатель, ты действительно нашел то, что надо?

Карлиль утвердительно улыбнулся.

– Естественно. Я был совершенно в этом уверен уже тогда, когда впервые услышал ее бурную биографию. Вот почему вчера я поручил Бэйбу запустить ракету.

– Я рад за тебя, – серьезно произнес полковник Морлэнд. – Мы все время держались поближе к тебе на случай, если бы вдруг у тебя возникли какие-нибудь проблемы с этими шестью непонятными неграми. Мы так и думали, что застанем вас в каком-нибудь... положении, вроде этого, – вздохнул он. – Н-да, рыбак рыбака видит издалека.

– Мы с твоим отцом не спали всю ночь, надеясь на лучшее – или, уж скорее, на худшее. Бог знает, почему она тебе так понравилась, мой мальчик. Я от нее чуть с ума не сошел. Ты подарил ей этот русский браслет, который детектив добыл у девицы Мими?

Карлиль кивнул.

– Тсс! – сказал он. – Она поднимается на палубу.

Ардита показалась на трапе и бросила произвольный взгляд на запястья Карлиля. На ее лице появилось озадаченное выражение. На корме негры затаили песню, и их низкие голоса эхом отдавались от поверхности чистой прохладной воды.

– Ардита, – неуверенно начал Карлиль.

Она сделала шаг по направлению к нему.

– Ардита, – повторил он, задержав дыхание, – я должен сказать тебе правду. Все это было неправдой. Меня зовут не Карлиль. Я – Морлэнд, Тоби Морлэнд. Ардита, вся эта история родилась... Родилась из призрачного тумана Флориды.

Она уставилась на него, ничего не понимая, не веря, и краска гнева стала волнами подниматься по ее лицу. Трое мужчин затаили дыхание. Морлэнд-старший шагнул к ней; рот мистера Фарнэма приоткрылся в паническом ожидании краха всего плана.

Но ничего не случилось. Ардита просияла, улыбнулась, быстро подошла к Морлэнду-младшему и посмотрела на него. В ее серых глазах не было и намека на гнев.

– Ты можешь поклясться, – негромко сказала она, – что все это – продукт твоего собственного воображения?

– Клянусь, – пылко ответил Морлэнд.

Она опустила глаза и нежно его поцеловала.

– Какая фантазия! – тихо, с завистью в голосе сказала она. – Хочу, чтобы ты всю жизнь так же мило мне лгал!

Донеслись негромкие голоса негров, слившиеся в воздухе в песню, которую она уже слышала.

Время, ты – вор.
Радость и боль
Подобны листве,
Что желтеет...

- А что же было в сумках? – нежно спросила она.
- Флоридский песок, – ответил он. – Два раза я все же сказал тебе правду.
- И кажется, я догадываюсь, когда был второй раз, – произнесла она; затем, встав на цыпочки, она нежно поцеловала... *журнальную иллюстрацию.*

«О, рыжая ведьма!»

I

Мерлин Грейнджер работал в книжном магазине «Перо Луны»: вы вполне могли там бывать, это прямо за «Ритц-Карлтон», на Сорок седьмой улице. Маленький магазинчик «Перо Луны» обладает – вернее, обладал – весьма романтической атмосферой: в нем всегда царил полумрак и аромат радикализма. Интерьер подсвечивался не то захватывавшими дух ярко-красными и оранжевыми афишами и сиянием корешков специальных изданий, не то качающейся низко висящей лампой под внушительным абажуром из красного сатина, горевшей даже днем. Это был «выдержанный», как хорошее вино, магазин. Слова «Перо Луны», как вышивка, змеились над дверью. Витрины всегда были заполнены тем, что едва-едва прошло сквозь сито литературной цензуры: тома в темно-оранжевых обложках, с красовавшимися названиями на белых прямоугольниках. Все здесь по приказу мудрого и непостижимого мистера Мунлайта Квилла было пропитано ароматом мускуса, что создавало атмосферу не то лавки древностей в Лондоне диккенсовских времен, не то кофейни на теплых берегах Босфора.

С девяти до пяти тридцати Мерлин Грейнджер вопрошал скучающих пожилых дам в черном и юношей с темными кругами под глазами о том, «нравится ли им этот модный, ну-как-его-там...» и не хотели бы они взглянуть на первое издание? А, так вы хотите купить роман с арабом на обложке или сборник новейших сонетов Шекспира, продиктованных им из небытия мисс Саттон из Южной Дакоты... – и он презрительно фыркал. Если говорить честно, то его собственные предпочтения склонялись именно в этом направлении, однако служащему «Пера Луны» в рабочее время необходимо было носить маску пресыщенного ценителя.

Закрывая ставней витрину снаружи, попрощавшись с мистером Мунлайтом Квиллом, его помощницей мисс Мак-Крекен и секретаршей мисс Мэстерс, каждый вечер в пять тридцать он отправлялся домой к девушке по имени Каролина. Нет, он не ужинал с Каролиной. Маловероятно, что Каролина согласилась бы вкушать пищу с его комода, на котором в опасной близости от деревенского сыра лежали запонки, а в стакан молока так и норовил попасть конец галстука Мерлина; он никогда не приглашал ее поужинать вместе. Ел он в одиночестве. В кулинарии Брейдждорта на Пятой авеню он покупал коробку крекеров, тубик рыбного паштета, апельсины или сосиски в маленькой банке, картофельный салат и бутылку безалкогольного напитка, нес все это в свертке в свою комнату на Пятьдесят-какой-то улице и ужинал, глядя на Каролину.

Каролина была яркой молодой особой лет девятнадцати, проживавшей на пару с дамой постарше. Она была похожа на призрак – из-за того, что не существовала вплоть до того момента, когда наступал вечер. Она материализовывалась только тогда, когда около шести в ее квартире зажигался свет, и исчезала не позднее полуночи. Ее уютная квартирка находилась в симпатичном доме, облицованном белым камнем, прямо напротив южной окраины Центрального парка. Ее окна с другой стороны выходили на единственное окно единственной комнаты, занимаемой одним-единственным мистером Грейнджером.

Он звал ее Каролиной, потому что она была похожа на девушку, изображенную на обложке одноименной книги, стоявшей в «Пере Луны».

Так вот, Мерлину Грейнджеру было двадцать пять, он был худ, темноволос, без усов, бороды и всего такого, а Каролина была ослепительно-яркой, ее волосы выглядели как мерцающая темно-рыжая волна, а черты лица заставляли вас вспомнить о поцелуях – ну, знаете, вам вдруг кажется, что она выглядит точь-в-точь как ваша первая любовь, хотя, взглянув на старое

фото, вы тут же убеждаетесь, что это вовсе не так. Обычно она носила розовое или голубое, хотя последнее время стала надевать облегающее черное платье, которым заметно гордилась – надев его, она подолгу стояла и рассматривала что-то на стене, и Мерлин думал, что там, должно быть, располагалось зеркало. Она часто сидела на венском стуле у окна, хотя иногда отдавала дань и шезлонгу под торшером, где выкуривала сигарету, откинувшись назад – положение ее рук в этот момент Мерлин находил чрезвычайно грациозным.

Иногда она подходила к окну и величественно замирала, глядя на улицу, потому что заблудшая Луна каплями разбрасывала по аллее внизу странный изменчивый блеск, превращая урны и бельевые веревки в живые импрессионистские образы посеребренных бочек и гигантских паучьих сетей. Мерлин, не таясь, сидел у окна, поедая деревенский сыр с сахаром и молоком, и от неожиданности так спешил схватиться за шнур жалюзи, что ронял деревенский сыр на колени, а молоко проливалось, оставляя на брюках сахарные пятна – и все-таки у него не было сомнений, что она его заметила.

Иногда в окне показывались и гости: мужчины в смокингах, с перекинутыми через руку пальто и со шляпами в руках, кланявшиеся и говорившие с Каролиной стоя; затем они опять кланялись и исчезали вслед за ней, по всей видимости, сопровождая ее на вечеринку или на бал. Иногда приходили юноши, усаживались, курили сигареты и, кажется, пытались что-то Каролине рассказать, – а она либо сидела на венском стуле и внимательно за ними наблюдала, либо возлежала в шезлонге под торшером и выглядела очень загадочной – и, само собой, юной.

Мерлину нравилось, когда приходили гости. Некоторых мужчин он вполне одобрял. Иных он лишь вынужденно терпел, а одного или двух даже презирал, особенно наиболее назойливого посетителя, брюнета с черной козлиной бородкой и черной, как смоль, душой, которого он, как ему смутно казалось, где-то видел, но никак не мог вспомнить где.

Жизнь Мерлина не «ограничивалась придуманной им грезой», и это не был «счастливейший час в его жизни». Он никогда не торопился, чтобы успеть спасти Каролину «из их когтей», и даже не взял ее в жены. Случилось нечто более удивительное и странное – об этом и пойдет наш рассказ. Все началось в один из октябрьских вечеров, когда она неожиданно вошла в выдержанный интерьер «Пера Луны».

Уже темнело, собирался дождь, все было окрашено в те самые серые тона, которые наблюдаются только вечером в Нью-Йорке перед концом света. Завывал ветер, гоняя старые газеты и другой мусор, во всех окнах зажигались огни, на улицах было пустынно, а на душе тоскливо, и становилось жаль верхушки небоскребов, терявшиеся там, в темно-зеленых и серых облаках; возникало ощущение, что весь этот фарс скоро кончится, и тогда все эти здания разлетятся, как карточные домики, а кирпичи, несомненно, свалятся в пыльные кучи, погребя под собой все те миллионы, которым предназначено было ветром заноситься внутрь и выноситься наружу.

По крайней мере, именно такие мысли носились в голове Мерлина Грейнджера, стоявшего у окна, выстраивая дюжину книг на витрине после ураганного визита дамы в горностаевом мантио. Он смотрел сквозь стекло, думая о печальном: о ранних романах Г. Уэллса, о книге «Бытие», о том, как Томас Эдисон заявил, что через тридцать лет на острове не останется ни одного жилого здания, все превратится в один огромный и шумный базар; он выставил последнюю книгу, развернулся – и тут в магазин бесшумно вошла Каролина.

На ней был не строгий, но вполне традиционный, прогулочный костюм – так он вспоминал позже. Клетчатая юбка, плиссированная «в гармошку»; мягкий, туго облегающий фигуру жакет; коричневые туфли и гетры. Ансамбль завершала шляпка, небольшая и аккуратная, похожая на верхушку чудесной коробки дорогих конфет.

Мерлин, у которого от удивления перехватило дыхание, в волнении направился к ней.

– Добрый вечер... – произнес он и замолчал. Ведь он не знал и даже не мог предполагать, что в его жизни вот-вот должно было произойти нечто удивительное и зловещее; что сейчас не требуется ничего, кроме тишины и подобающей случаю толики внимательного ожидания. За

минуту до того, как это начало происходить, у него возникло ощущение мгновения тишины, невероятным образом растянувшегося во времени: он увидел сквозь стеклянную перегородку, отделявшую небольшую контору, зловещую коническую голову своего начальника, мистера Мунлайта Квилла, склонившегося над бумагами. Он узрел мисс Мак-Крекен и мисс Мастерс в образе двух пятен волос, нависших над бумагами; над собой он увидал малиновую лампу и с радостью отметил, что она действительно привносит в интерьер книжного магазина приятный романтический колорит.

После этого все и случилось – вернее, начало происходить. Каролина взяла свободно лежавший наверху стопки книг том со стихами, ее изящные белые пальчики быстро перебрали страницы и вдруг одним ловким движением она подбросила книгу к потолку, и та, застряв, исчезла в малиновом абажуре; сквозь освещенный изнутри сатин книга выпячивалась темным прямоугольником. Это рассмешило Каролину, и она рассмеялась молодым заразительным смехом, к которому немедленно присоединился Мерлин.

– Она осталась там! – весело воскликнула она. – Она застряла, здорово? – Им обоим это показалось вершиной блестящего абсурда. Они снова рассмеялись на весь магазин, и Мерлину стало хорошо оттого, что ее голос оказался глубоким и чарующим.

– Возьмите другую, – неожиданно для себя предложил он, – возьмите ту, красную.

После этого ее смех усилился; ей даже пришлось ухватиться руками за стопку книг, чтобы не упасть.

– «Возьмите другую!» – еле смогла она повторить между приступами веселья. – Черт побери, «возьмите другую»!

– Берите две сразу!

– Да, «берите две сразу»! Господи, сейчас умру от смеха! Ну, поехали...

За словом последовало и дело, она взяла книгу с красной обложкой и отправила ее пологой гиперболой к потолку, где книга погрузилась в абажур рядышком с первой. В течение нескольких минут они только и могли, что раскачиваться взад и вперед в беззвучном смехе; успокоившись, они, ни слова друг другу не говоря, синхронно возобновили спортивные упражнения. Мерлин схватил тяжелый, в дорогом переплете том французской классики и швырнул его по спирали вверх. Аплодируя собственной меткости, в одну руку он взял бестселлер, а в другую издание об очках и, затаив дыхание, следил, как она совершает бросок. После этого дело пошло, как по маслу – еще быстрее и неистовей; иногда они бросали по очереди и, наблюдая за ней, он поражался, как грациозно было каждое ее движение; иногда кто-нибудь из них делал целую серию бросков, хватая ближайшую книгу и швыряя ее, даже не следя за полетом и сразу хватая следующую. В течение трех минут стол опустел, а малиновый абажур так разбух от находившихся в нем книг, что едва не лопался.

– Глупая игра баскетбол, – с презрением воскликнула она, швырнув книгу. – Годится только для старшеклассниц в отвратительных шароварах!

– Да, идиотизм, – согласился он.

Она остановилась, раздумав бросать книгу, и резко положила ее обратно на стол.

– Ну вот, теперь места достаточно; давайте присядем, – серьезно произнесла она.

Они сели; места хватило обоим. Почувствовав некоторое волнение, Мерлин взглянул через стеклянную перегородку на контору мистера Мунлайта Квилла, но все три головы по-прежнему были склонены над бумагами; они явно не замечали, что происходит в магазине. Поэтому, когда Каролина, опираясь на руки, уселась на стол, Мерлин сделал то же самое и, сидя рядом, они посмотрели друг другу в глаза.

– Мне очень нужно было с вами увидеться! – начала она, и в ее темных глазах показалась трогательная жалость.

– Понимаю.

– Все потому, что в последний раз, – продолжала она, и ее голос слегка дрожал, хотя она старалась говорить уверенно, – я за вас испугалась. Мне не нравится, что вы обедаете за комодом. Я так боюсь, что вы... Что вы проглотите запонку!

– Да, как-то раз чуть не проглотил, – неохотно признался он, – но это оказалось не так просто, знаете ли. Я хочу сказать, что проглотить плоскую половину нетрудно, и вторую половину тоже – если по отдельности – но вот чтобы проглотить запонку целиком, нужно иметь совершенно особое горло.

Ему самому было странно, что он так галантно и остроумно отвечает. Впервые в жизни слова прямо-таки слетали с его языка, без всякого усилия собираясь вместе в тщательно организованные взводы и батальоны, будто предоставляемые в его распоряжение педантичными адъютантами в виде готовых параграфов.

– Вот это меня и испугало, – сказала она. – Я знаю, что для этого нужно иметь особое горло, и я знаю – по крайней мере, чувствую – что у вас такого как раз нет.

Он согласно кивнул.

– У меня действительно нет. Оно стоит больших денег – к сожалению, больше, чем есть у меня.

Он не почувствовал никакого стыда, сказав это, – скорее удовлетворение оттого, что признался; он знал, что ничто из того, что он может сказать или сделать, не покажется ей недостойным, и уж точно не его бедность и объективная невозможность когда-либо с ней расстаться.

Каролина взглянула на свои часики и с тихим возгласом соскочила со стола.

– Уже пять! – воскликнула она. – А я и не заметила! Мне нужно в «Ритц» к пяти тридцати. Надо скорее заканчивать, я заключила пари.

В едином порыве они принялись за работу. Каролина приступила к делу так: ухватила книгу за страницы и, закрутив, отправила ее прямо в стеклянную перегородку, за которой размещалась контора и мистер Мунлайт Квилл. Хозяин бросил быстрый затравленный взгляд, смахнул осколки со стола и как ни в чем не бывало продолжил работать с бумагами. Мисс МакКрекен не подавала виду, что слышала хоть что-то, а мисс Мастерс вздрогнула и приглушенно вскрикнула, прежде чем снова склониться над бумагами.

Но Мерлин и Каролина не обращали внимания ни на что. В упоительном всплеске энергии они швыряли книгу за книгой; иногда в воздухе одновременно оказывалось три или четыре тома одновременно, они бились о полки, расшибали стекла картин на стене, опадали в виде мятых комков и обрывков страниц на пол. К счастью, ни один покупатель в этот момент не заглянул, поскольку можно сказать с уверенностью, что больше он в этот магазин не зашел бы никогда – шум был просто ужасным: удары, падения и рвущаяся бумага, изредка еще звон бьющегося стекла, учащенное дыхание пары метателей и периодические взрывы смеха, одолевавшие их обоих время от времени.

В половине шестого Каролина забросила на лампу последнюю книгу – и эта книга стала последней соломинкой для выросшего в абажуре верблюжьего горба. Ослабевший сатин разорвался и выпустил все свое содержимое в виде одного большого облака белой и цветной бумаги на уже заваленный обрывками пол. После этого со вздохом облегчения Каролина повернулась к Мерлину и протянула ему руку.

– Прощайте, – просто сказала она.

– Вы уходите?

Он уже знал ответ. Его вопрос был просто попыткой отсрочить неизбежный момент расставания, чтобы еще хоть на миг задержать тот ослепительный свет, который он мог видеть лишь в ее присутствии, чтобы хоть чуть-чуть продлить радость, которую он испытывал, глядя на ее лицо, которое он мечтал поцеловать, потому что оно напоминало ему лицо одной девушки, которую он любил в 1910 году. Еще минуту он ощущал мягкость ее руки, а затем она улыбнулась, убрала руку и, прежде чем он сделал движение, чтобы открыть дверь, открыла

ее сама и исчезла в непроницаемых зловещих сумерках, нависших над всей Сорок седьмой улицей.

Хотелось бы мне рассказать о том, как Мерлин прошел в маленькую контору мистера Мунлайта Квилла и немедленно уволился бы с этой работы, познав, как красота относится к накопленному годами опыту, и вышел бы на улицу гораздо более прекрасным, благородным и ироничным человеком. Но правда жизни оказалась гораздо прозаичнее. Мерлин Грейнджер встал и оглядел учиненный в книжном магазине разгром: разорванные книги, сатиновые остатки некогда красивого малинового абажура, кристальный блеск стекла, радужные осколки которого были разбросаны по всему помещению, – а затем пошел в угол, где хранилась метла, и стал подметать, собирая мусор и в меру сил приводя магазин в его прежнее состояние. Он обнаружил, что, несмотря на то, что небольшое количество книг осталось не повреждено, основная часть получила повреждения различной степени тяжести. У некоторых были оторваны обложки, из некоторых были вырваны страницы, иные были слегка надорваны, что, как известно любому, даже не слишком аккуратному читателю, автоматически переводит книги в разряд «распродажа».

Тем не менее к шести часам ему удалось ликвидировать большинство разрушений. Он расставил книги по местам, подмел пол и вкрутил новые лампы в патроны. Красный абажур восстановлению не подлежал, и Мерлин с тревогой подумал о том, что деньги на его замену, вероятно, будут удержаны из его жалованья. В шесть вечера, сделав все, что мог, он закрыл ставней витрину. Вернувшись в магазин, он увидел, что мистер Мунлайт Квилл поднялся из-за своего стола, надел пальто, шляпу и вышел из конторы. Он с загадочным видом поклонился Мерлину и направился к двери. Взявшись за ручку, он остановился, повернулся и тоном, в котором ярость мешалась с неуверенностью, сказал:

– Если эта девушка появится здесь снова, скажите ей, чтобы она вела себя прилично.

Ответ Мерлина «Слушаю, сэр» потонул в скрипе открытой им с этими словами двери, и он вышел.

Мерлин на мгновение замер, приказав себе не беспокоиться о том, что в настоящий момент было всего лишь смутно различимым грядущим, а затем прошел в контору и пригласил мисс Мастерс поужинать вместе во французском ресторане Пульпата – в котором, несмотря на все усилия правительства, все еще можно было заказать красное вино. Мисс Мастерс согласилась.

– От вина у меня всегда начинает звенеть в ушах, – сказала она.

Мерлин внутренне расхохотался, сравнив ее с Каролиной – точнее, не сравнив. Не могло быть никакого сравнения!

II

Мистер Мунлайт Квилл, несмотря на всю таинственность, экзотичность и воистину восточный темперамент, был, тем не менее, решительным человеком, и к проблеме разгромленного магазина он подошел решительно. Ведь без расходов, равных по сумме первоначальной стоимости всего магазина – шаг, на который он, по определенным, одному ему известным, причинам, идти не хотел, – ему бы не удалось вести книжный бизнес прежним порядком. У него оставалась единственная возможность. Профиль магазина был переориентирован с торговли новинками на букинистику. Поврежденные книги прошли уценку от двадцати пяти до пятидесяти процентов, вывеске над дверью, змеившиеся вязью буквы которой когда-то выглядели такими яркими и блестящими, было дозволено беспрепятственно тускнеть; в целях создания соответствующего антуража владелец даже приобрел две псевдотурецкие тубетейки из красного войлока, одну для себя, а другую для помощника Мерлина Грейнджера. Более того, своей бородке он позволил отрасти так, что теперь она напоминала оперение антикварной

стрелы, и сменил щеголеватый, всегда с иголки, деловой костюм на нечто, больше напоминавшее плащ волшебника из тускло сиявшей ткани «альпака».

Фактически через год после катастрофического визита Каролины единственным, что имело в этом магазине хоть какое-то отношение к современности, осталась мисс Мастерс. Мисс Мак-Кракен пошла по стопам мистера Мунлайта Квилла и превратилась в невыносимую неряху.

Мерлин также, то ли из лояльности, то ли из покорности, позволил своему внешнему облику постепенно приобрести черты запущенного сада. Он принял красную фетровую тюбетейку как символ собственного увядания. Он всегда имел репутацию «модника» – с тех пор, как после школы окончил ремесленное училище в Нью-Йорке, где прослыл неисправимым совершенствователем костюмов, причесок, заботящимся не только о зубах, но даже и о бровях, ценителем важности искусства складывать чистые носки пятка к пятке, мысок к мыску в отдельном ящике комода, который приобретал имя «носочного» ящика.

Он знал, что все это и помогло ему завоевать его место среди блеска и великолепия «Пера Луны». Именно благодаря этим качествам он не занимался тем, чему он, затаив дыхание, обучался в ремесленном училище: производством «ящиков для хранения вещей» и продажей их всем, кому бы они ни понадобились, а проще говоря, не стал гробовщиком. Тем не менее, когда прогрессивное «Перо Луны» превратилось в антикварное «Перо Луны», он предпочел погружаться вместе с ним, и потому позволил своим костюмам пылиться нетронутыми на открытом воздухе, а носки стал класть, не разбирая, то в «рубашечный», то в «бельевой» ящик, то вообще куда попало. В этом новом беззаботном состоянии ему часто случалось отправлять обратно в стирку совершенно чистые, ни разу не ношенные вещи – обычная эксцентричность обедневших холостяков. И все это свершалось прямо перед обложками его любимых модных журналов, которые в то время были буквально переполнены статьями популярных авторов, направленными против пугающих бесстыдств осуждаемых бедняков, как то: покупка приличных сорочек и съедобного мяса, а также того факта, что они предпочитали надежные инвестиции в ювелирные украшения солидным вложениям в четырехпроцентные облигации!

Безусловно, время было странное и, более того, все это вызывало сожаление всех достойных богобоязненных людей. Ведь именно тогда впервые в истории Республики любому негру, находившемуся к северу от Джорджии, стали давать сдачу с долларовой банкноты! Но, поскольку в то время цент по покупательной способности быстро приближался к китайскому убо и превращался в призрак, который лишь изредка материализовывался после покупки коробки спичек и мог быть потрачен лишь на одно-единственное взвешивание у врача, когда вам необходимо было выяснить свой точный вес – это, возможно, и не являлось таким уж необъяснимым феноменом, как казалось на первый взгляд. Тем не менее, времена наступили странные, поскольку Мерлин Грейнджер совершил то, что он совершил, – а именно рискованный и необдуманный шаг, заключавшийся в предложении «руки и сердца» мисс Мастерс. А что еще более странно – она его приняла!

Предложение прозвучало в один из субботних вечеров у Пульпата, за бутылкой слегка разбавленной *vin ordinaire* воды стоимостью доллар семьдесят пять.

– От вина у меня всегда начинает звенеть в ушах, а у вас? – весело щебетала мисс Мастерс.

– Да, – не слыша, ответил Мерлин; затем, после долгой взвешенной паузы, сказал: – Мисс Мастерс... Оливия... Послушай, я хочу тебе сказать...

Звон в ушах мисс Мастерс, которая знала, что сейчас последует, усилился настолько, что она чуть не упала в обморок от чрезмерного нервного напряжения. Но ее «Да, Мартин!» прозвучало безо всякого выдоха или дрожи, вызванных внутренним беспокойством. И Мерлин тоже смог вдохнуть снова появившийся вокруг неведомо откуда воздух.

– Я не обладаю состоянием, – сказал он, как бы делая заявление. – Я не обладаю никаким состоянием.

Их взгляды встретились, задержались, в глазах появилось томление, мечта и предвкушение счастья.

– Оливия, – сказал он, – я люблю тебя.

– И я тебя, Мерлин, – произнесла она. – Закажем еще бутылочку вина?

– Да, – воскликнул он, и его сердце учащенно забилося. – Ты хочешь...

– Выпить за нашу помолвку! – продолжила она. – Пусть она будет краткой!

– Нет! – почти что крикнул он, яростно стукнув кулаком по столу. – Пусть она длится вечно!

– Что?

– Я хочу... Ах да, я понял... Ты права. Пусть она будет краткой. – Он рассмеялся и добавил: – Прости.

Принесли вино, и они стали обсуждать детали.

– Сначала найдем небольшую квартирку, – сказал он. – Да, точно, черт побери! Кажется, я знаю подходящую – в доме, в котором я сейчас живу, есть такая: одна большая комната, небольшая кухня и можно пользоваться ванной на этом же этаже.

Она захлопала в ладоши от радости, а он подумал, как она все-таки мила – точнее, ее лоб, потому что начиная с переносицы и ниже она выглядела как-то неестественно. Она с энтузиазмом подхватила:

– А как только появится возможность, мы найдем настоящие апартаменты – с лифтом и консержкой.

– А потом купим домик за городом и машину.

– Ну разве можно желать чего-нибудь еще?!

На мгновение Мерлин замолчал. Он думал о том, что теперь ему придется переехать из его комнаты в торце четвертого этажа. Однако это уже не имело никакого значения. Он ни разу не видел Каролину за прошедшие полтора года – фактически с того самого дня, когда она нанесла визит в «Перо Луны». Спустя неделю после того памятного дня свет в ее окнах перестал зажигаться по вечерам, на аллею выглядывала лишь темнота, которая, казалось, сгустилась перед его замершим в ожидании незанавешенным окном. И вот, наконец, свет снова зажегся, но вместо Каролины и ее гостей там показалась банальная семья – мужчина небольшого роста, с жесткими усами, а также дородная дама, проводившие вечера за меланхоличными пасьянсами. После первых двух вечеров Мерлин безо всякого сожаления закрыл жалюзи.

Нет-нет, Мерлин ни о чем другом и не мечтал, кроме как завоевывать свое место в этом мире на пару с Оливией. У них когда-нибудь будет собственный голубой коттедж в пригороде, лишь чуть-чуть пониже классом, чем белые оштукатуренные коттеджи под зелеными крышами. В траве у домика будут разбросаны ржавые лопаты, там будет стоять старая скамейка и старая покосившаяся плетеная детская коляска. А всю эту траву, и коляску, и сам домик, и весь его мир будут обнимать руки Оливии, чуть располневшие руки «неооливийского» периода, который наступит, когда при ходьбе ее щеки начнут чуть подрагивать от чересчур усердного массажа лица. Послышался ее голос, совсем рядом:

– Я знаю, что ты собирался сказать об этом вчера, Мерлин. Я видела...

Она видела. Ох – ему стало вдруг интересно, многое ли она была способна заметить? Заметила ли она, что девушка, вошедшая в компании троих мужчин и севшая за соседний столик, была... Каролиной? Да – заметила ли она? Заметила ли она, что у мужчин был с собой ликер – гораздо более сильное средство, чем красные чернила Пульпата, пусть даже и разбавленные в пропорции один к трем?

Мерлин, затаив дыхание, смотрел во все глаза, едва слыша сквозь внезапно окутавшую его стену эфира негромкий успокаивающий монолог Оливии, которая, подобно пчеле, стара-

лась поглотить всю сладость этого незабываемого момента. Мерлин слушал звон кусочков льда и веселый смех, которым четверка отозвалась на какую-то шутку – и смех Каролины, который он так хорошо помнил, взволновал его, заставил его воспарить и приказал его сердцу приземлиться за ее столиком, чему оно послушно и подчинилось. Он мог отлично ее рассмотреть, и ему показалось, что за последние полтора года она слегка изменилась. Возможно, причиной тому был падавший свет – или все же ее щеки слегка впали, а взгляд был уже не так свеж, как раньше, а слегка водянистый? Но рыжие волосы все так же отсвечивали темным золотом; губы все так же звали о поцелуе, так же, как и профиль, который иногда возникал прямо перед его глазами, когда он смотрел на ряды книг в сумерках магазина, не освещаемого более лампой в малиновом абажуре.

И она пила! Тройной румянец на ее щеках был порожден молодостью, вином и косметикой – это он мог сказать совершенно точно. Она старалась рассмешить молодого человека, сидевшего слева от нее, и дородного мужчину, сидевшего справа, и даже пожилого господина напротив – последнее время от времени издавал резкие сконфуженные смешки старшего поколения. Мерлин расслышал слова песни, которую она с перерывами напевала:

Коль любишь, пальцами схвати,
На мост бездумно не лети...

Дородный мужчина наполнил ее стакан прохладной амброзией. Официант, совершив несколько кругов вокруг стола и бросив множество растерянных взглядов на Каролину, развлекавшуюся бессмысленным допросом, касающимся сочности того или иного блюда, наконец, смог получить некое подобие заказа и поторопился удалиться.

Оливия разговаривала с Мерлином.

– Так когда? – спросила она, и в ее голосе послышалось легкое разочарование. До него наконец дошло, что он только что ответил «нет» на какой-то вопрос.

– Ну... со временем...

– Тебе что – все равно?

Патетическая резкость вопроса заставила его перевести взгляд на нее.

– Как можно скорее, дорогая, – ответил он неожиданно нежно. – Через два месяца – в июне.

– Так скоро? – От радостного волнения у нее схватило дыхание.

– Ну да. Думаю, нам подойдет июнь. Зачем ждать?

Оливия начала притворяться, что два месяца для нее – слишком короткий срок, она не успеет как следует подготовиться. Какой невоспитанный мальчишка! Не слишком ли ты торопишься, а? Ну что ж, она докажет, что никогда не стоит торопиться, если дело касается ее. Все произошло так неожиданно, что она даже засомневалась, стоит ли ей вообще выходить за него замуж.

– В июне, – с нажимом повторил он.

Оливия вздохнула, улыбнулась и, оттопырив мизинчик, как это полагалось по новой моде, взяла чашку с кофе. У Мерлина тут же возникло желание приобрести пяток колец и устроить игру в серсо.

– Черт побери! – сказал он вслух. Ведь совсем скоро он действительно наденет кольцо на один из этих пальцев.

Он бросил взгляд вправо. Компания из четырех человек буянила так, что метрдотелю пришлось подойти и сделать замечание. Каролина разговаривала с метрдотелем на повышенных тонах, ее юный голос был так красив, что, казалось, к разговору прислушивается весь ресторан – весь ресторан, за исключением Оливии Мастерс, полностью поглощенной своим новым секретом.

– Привет, как дела? – говорила Каролина. – Надо же, какой симпатичный метрдотель в неволе. Слишком шумно? Какая жалость. Необходимо что-то предпринять. Жеральд, – она обратилась к мужчине по правую руку, – метрдотель говорит, что здесь слишком шумно. Обращается к нам с просьбой это прекратить. Что ему ответить?

– Тсс! – со смехом ответил Жеральд. – Тсс! – и Мерлин услышал, как он добавил потише: – Сейчас проснется вся буржуазия. Сюда же продавцы ходят «подучить французский»!

Каролина выпрямилась, будто ее ударило током.

– Продавцы? – воскликнула она. – Покажите мне продавца! – Это, по всей видимости, развеселило всю компанию, потому что все, включая Каролину, снова разразились хохотом. Метрдотель, безо всякого успеха честно попытавшись их урезонить еще раз, лишь пожал плечами и удалился, как настоящий галл.

Общеизвестно, что главным достоинством «Пульпата» является табльдот. И это место нельзя назвать «веселым» в общепринятом смысле этого слова. Вы приходите, усаживаетесь в зале с низким темным потолком, выпиваете немного красного вина, разговариваете чуть больше и громче обычного, а после этого направляетесь домой. Заведение закрывается в девять тридцать, ни минутой позже; полицейский получает заработанное, ему выдается бутылка вина «для миссис», гардеробщица передает вырученные чаевые в общую кассу, и тьма окутывает небольшие круглые столики. Но в этот вечер в «Пульпате» происходило что-то необычайное, радикально отличавшееся от привычного распорядка. Девушка с отсвечивавшими темным золотом рыжими волосами вскочила на стол и начала танцевать прямо на нем.

– *Sacre nom de Dieu!* Слезайте немедленно! – крикнул метрдотель. – Остановите музыку!

Но музыканты играли так громко, что имели полное право притвориться, будто не услышали его; вспомнив молодость, они стали играть еще громче и еще веселее, а Каролина продолжила свой грациозный быстрый танец на столе; ее тонкое розовое платье обвивалось вокруг тела, а проворные руки энергично двигались в сигарном дыму.

Французы за соседним столиком разразились криками одобрения, к которым присоединились и остальные присутствовавшие – через мгновение весь зал наполнился хлопаньем и криками; половина ужинавших вскочила и образовала толпу, оттеснившую вызванного в спешном порядке владельца ресторана, неясными выкриками выражавшего свое желание положить всему этому конец как можно скорее.

– ...Мерлин! – кричала Оливия, опомнившаяся от грез. – Только посмотри – что за порочное создание! Пойдем отсюда – сейчас же!

Зачарованный Мерлин возразил, что они еще не заплатили по счету.

– Ничего страшного. Оставь пять долларов на столе. Я презираю эту девицу! Я не могу ее видеть! – Она уже встала и тянула его за руку.

Покорно, безропотно, но явно против своей воли, Мерлин встал и последовал за Оливией, прокладывая себе дорогу сквозь обезумевшую толпу, шум в которой достиг своего апогея и грозил перерасти в настоящие беспорядки. Он покорно принял свое пальто и, спотыкаясь, сделал дюжину шагов, выйдя под апрельский дождь. В ушах все еще слышался топот легких ножек, танцевавших на столе, и звуки смеха, полностью заполнившего весь маленький мирок кафе. Молча они направились к автобусной остановке на Пятой авеню.

Лишь через день она снова заговорила о свадьбе – она решила поменять дату: лучше всего обвенчаться пораньше – первого мая.

III

И они поженились, и это произошло довольно прозаически, под канделябром в той самой квартире, где Оливия жила со своей мамой. Сразу после свадьбы они витали в облаках, но

постепенно все прошло и наступила скука. На Мерлина свалилась ответственность: теперь он был обязан приносить домой свои тридцать долларов в неделю, которых вместе с ее двадцатью едва хватало, чтобы накапливать на их телах почтенный жирок и скрывать его с помощью приличной одежды.

После нескольких недель не увенчавшихся успехом экспериментов с близлежащими ресторанами было решено, что они присоединятся к великой армии «потребителей полуфабрикатов», поэтому для него все вернулось на круги своя, и каждый вечер он снова заходил в кулинарию Брейджворта и покупал картофельный салат, нарезанную ветчину, а иногда, в приступе экстравагантности, даже фаршированные томаты.

Затем он шагал домой, входил в темный холл и поднимался на третий этаж по скрипящей лестнице, покрытой старым, давно утратившим рисунок, ковром. В холле пахло чем-то древним: то ли овощами урожая 1880 года, то ли мебельной политурой, бывшей в моде тогда, когда Брайан по прозвищу «Адам-с-Евой» выступал против Уильяма Мак-Кинли; портьеры здесь весили на унцию больше за счет пыли, собранной ими со стоптанных ботинок и оборок платьев, давным-давно превратившихся в материал для стеганых одеял. Запах преследовал его по всей лестнице, становясь еще более заметным на каждом пролете, где его подчеркивал неистребимый аромат приготовляемой пищи, сменявшийся на следующем пролете давно знакомым духом ушедших поколений.

В конце концов перед ним оказывалась дверь его комнаты, бесшумно распахивавшаяся с почти неприличной готовностью и закрывавшаяся с презрительным фырканьем после его «Дорогая, это я! Приготовься к пиру!».

Оливия, всегда возвращавшаяся домой на верхней площадке автобуса – чтобы «подышать воздухом», – стелила постель и развешивала одежду. Услышав приветствие, она выходила, небрежно целовала его, даже не закрывая глаз, а он неуклюже, как лестницу, обнимал ее, схватив за руки, будто она должна была вот-вот потерять равновесие, и, как только он чуть ослабит хватку, свалится прямо на пол. Так целуются лишь на втором году брака, когда пару уже не назовешь «молодоженами», которые – как говорят те, кто понимает толк в этих вещах, – целуются, словно актеры на сцене.

Они ужинали, а после выходили прогуляться в Центральный парк, располагавшийся в двух кварталах от их дома. Иногда ходили в кино, которое терпеливо растолковывало им, что все в жизни существует именно для них, что впереди у них обязательно что-то великое, выдающееся и прекрасное, нужно лишь быть послушными и покорными своей судьбе и не желать лишнего.

Так они прожили три года. После этого в их жизни наступила перемена: Оливия родила ребенка, ставшего для Мерлина новым потребителем материальных ресурсов. На третьей неделе после родов, прорепетировав целый час, нервничая, он вошел в контору к мистеру Мунлайту Квиллу и потребовал огромную прибавку жалованья.

– Я здесь работаю вот уже десять лет! – заявил он. – С девятнадцати лет! Я всегда прилагал все усилия для процветания бизнеса.

Мистер Мунлайт Квилл ответил, что ему нужно все обдумать. На следующее утро, к великой радости Мерлина, он заявил, что готов предпринять давно обдуманый шаг – он собирался полностью удалиться от дел, лишь изредка нанося визиты в магазин, а ведение дел он поручит Мерлину, назначив его управляющим с жалованьем пятьдесят долларов в неделю и одной десятой долей от прибыли. Когда старик закончил говорить, щеки Мерлина окрасились румянцем, а на глазах выступили слезы. Он схватил руку хозяина и, крепко ее сжимая, забормотал:

– Вы так добры, сэр. Вы чрезвычайно *бобры*... Не знаю, как вас благодарить...

Вот так после десяти лет преданной службы ему, наконец, повезло. При взгляде назад это восхождение к вершине карьеры стало казаться ему вовсе не серым, жалким и суетным деся-

тилетием остывающего энтузиазма и расставания с грезами; это уже не были годы, заставившие потускнеть лунный свет на улице и навсегда унесшие юность из облика Оливии – нет, теперь ему представлялось, что это было торжественное и славное восхождение, вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, которые он сознательно преодолевал благодаря несокрушимой силе воли. Самообман оптимизма, хранивший его от страданий, нарядился теперь в позолоченные одежды самодовольства. Несколько раз он хотел оставить мистера Мунлайта Квилла и продолжить свой полет, но из чистого сострадания так никуда и не ушел. Как ни странно, теперь он считал, что лишь благодаря собственному упорству он тогда «решил остаться – и победил»!

Тем не менее, давайте сейчас не будем пенять Мерлину – пусть он рассматривает себя в новом привлекательном свете. Он ведь все же добился успеха: к тридцати годам он получил хорошую должность. В тот вечер он, сияя, покинул магазин и потратил все свои деньги на лучшие деликатесы из имевшихся у Брейдждорта, и шагал домой с великой вестью и четырьмя огромными бумажными пакетами. Не имело никакого значения и то, что Оливия плохо себя чувствовала и не могла есть, и то, что неравная борьба с четырьмя фаршированными томатами увенчалась легкой тошнотой, и даже то, что большинство яств испортилось на следующий день в разморожившемся леднике. Впервые – не считая единственной недели сразу после свадьбы – Мерлин Грейнджер считал, что «у природы нет плохой погоды».

Новорожденного мальчика нарекли Артуром, и их жизнь обрела степенную значимость, а по прошествии некоторого времени, и центр притяжения. Мерлин и Оливия в своей собственной вселенной отошли на второй план; но то, что они утратили как личности, было возвращено им в форме некоей первобытной гордости. Загородный коттедж так и не материализовался, его место заняло месячное пребывание в пансионе в Эшбери-парк; каждый год на две недели, когда Мерлин получал отпуск, они отбывали в веселый вояж – особенно хорошо становилось в те часы, когда дитя засыпало в большой комнате с окнами на море, и Мерлин мог прогуляться в толпе по тротуару под ручку с Оливией, попыхивая сигарой и пытаясь выглядеть «на миллион долларов».

Почти не замечая, как медленнее стали течь дни и быстрее бежать годы, Мерлин проскочил тридцать один, тридцать два – а затем неожиданно наступил тот возраст, когда река времени смывает почти все остатки прекрасной юности: ему исполнилось тридцать пять. И однажды на Пятой авеню он вновь увидел Каролину.

В солнечное, цветущее пасхальное воскресенье вся улица представляла собой роскошное зрелище: казалось, весь мир состоял сплошь из апрельских лилий, фраков и шикарных шляпок. Пробило полдень: из соборов высыпал народ – двери открывались широко, и люди, выходявшие наружу, встречавшие знакомых, заводившие беседы, махавшие белыми букетами ожидавшим шоферам, сливались в один сплошной смех, который, казалось, исторгался из громадных уст Св. Симона, Св. Хильды и Св. Апостолов.

Перед собором Св. Апостолов выстроились все двенадцать членов приходского управления, исполнявших освященный временем обряд вручения доверху наполненных пудрой пасхальных яиц пришедшим к службе дебютанткам этого года. Вокруг с удовольствием резвились чудесно выглядевшие дети из самых богатых семей, прекрасно одетые и причесанные, похожие на сияющие бриллианты на пальцах своих матерей. Кажется, сентиментальность требует говорить о бедных детях? Да, но ах... дети богачей! Умытые, опрятные, приятно пахнущие, будущее лицо нации – и, кроме того, разговаривающие так негромко и властно!

Маленькому Артуру исполнилось пять, он был ребенком из «среднего класса». Непримечательный, незаметный, с носом, который так навсегда и остался единственной греческой чертой его лица, он крепко держался за теплую и липкую руку матери. С другой стороны шел Мерлин, и они вместе двигались в расходившейся по домам толпе. На 53-й улице, где было сразу две церкви, образовался самый обширный и плотный людской затор. Скорость движения

снизилась до такой степени, что маленькому Артуру без всякого труда удавалось успевать идти со всеми в ногу. Именно здесь Мерлин заметил медленно скользящее к обочине и там оставившееся открытое ландо темно-красного цвета с блестящими никелированными деталями. В нем сидела Каролина!

На ней было черное облегающее платье, на руках бледно-розовые, пахнувшие лавандой перчатки, а на талии красовался пояс из орхидей. Мерлин вздрогнул и в ужасе уставился на нее. Впервые за восемь лет, прошедших с его свадьбы, он вновь встретил эту девушку. Но она более не выглядела девушкой! Она была все так же стройна – хотя не совсем так же, поскольку присущая ей раньше мальчишеская развязность и дерзость юности исчезли, как и детский румянец щек. Но красота осталась: в ее фигуре появилось достоинство и очаровательные признаки двадцатидевятилетнего благополучия; она восседала в ландо так непринужденно и уверенно, что все смотрели на нее, затаив дыхание.

Неожиданно она улыбнулась – той самой улыбкой из прошлого, яркой, как этот пасхальный день и окружавшие ее цветы, чуть более мягкой и оттого немного потерявшей блеск и бесконечность обещания, которое она излучала в книжном магазине девять лет назад. Улыбка стала суровой, разбивающей иллюзии и оттого печальной.

Но и мягкости, и радости в ней было достаточно, чтобы сразу двое молодых людей в нарядных костюмах поспешили приветственно снять шляпы и продемонстрировать всем свои чуть взмокшие набриолиненные головы; волнуясь и кланяясь, они поспешили к ее ландо, чтобы мягко коснуться своими серыми перчатками ее лавандовых. А за этими двумя сейчас же последовал еще один, а затем еще двое – и вокруг ландо стала быстро расти толпа. Мерлин услышал, как какой-то молодой человек рядом с ним поспешно извинился перед своим, видимо, менее «светским», спутником:

– Прошу меня простить, но мне крайне необходимо засвидетельствовать свое почтение перед одним человеком. Не ждите меня, я вас догоню.

Прошло три минуты, и на каждом дюйме пространства около ландо – и впереди, и сзади, и сбоку – уже находился мужчина, пытавшийся сказать что-то настолько умное, чтобы фраза достигла ушей Каролины, невзирая на бурный поток общего разговора. К счастью для Мерлина, швы пиджака маленького Артура решили окончательно разъехаться именно в этот момент, и Оливия торопливо остановилась прямо напротив какого-то здания, чтобы заняться импровизированной починкой костюма, – поэтому Мерлин получил возможность без помех наблюдать неожиданный уличный салон.

Толпа росла. Сформировался второй ряд, а за ним еще два. В центре, похожая на орхидею в черном обрамлении, восседала Каролина на троне своего уже невидимого ландо, кланяясь и приветствуя знакомых, радостно улыбаясь направо и налево – так, что неожиданно даже солидные джентльмены, оставив своих жен и супруг, поспешили к ней.

Толпа, уже напоминавшая кортеж, стала прирастать любопытствующими; мужчины всех возрастов, которые вряд ли были знакомы с Каролиной, начинали проталкиваться поближе, образуя круг, увеличивающийся в диаметре – и леди в лавандовых перчатках оказалась в центре огромной импровизированной аудитории.

Ее окружали лица – чисто выбритые, усатые, старые, молодые, неопределенного возраста; то там, то тут виднелись и женщины. Толпа быстро заняла всю улицу до противоположного тротуара, а когда находившийся за углом Св. Антоний выпустил своих прихожан, люди запрудили и тротуар; самые крайние прижимались к забору располагавшегося на другой стороне улицы поместья какого-то миллионера. Автомобили, двигавшиеся вдоль по авеню, были вынуждены остановиться; за считанные мгновения толпа окружила три, пять, шесть машин; автобусы, эти черепахи автомобильного движения, застревали в пробке, а их пассажиры высыпали на крыши, возбужденно обсуждая и пытаясь разглядеть центр людской массы, который было уже невозможно увидеть с края толпы.

Столпотворение выглядело ужасным. Ни светская аудитория на матче Йель – Принстон, ни даже взмокшая публика на чемпионате мира по бейсболу не могут идти ни в какое сравнение с этой образовавшейся «свитой», гомонившей, глядевшей вокруг, смеявшейся и сигналившей клаксонами в честь леди в черном платье и лавандовых перчатках. Это было одновременно и изумительно – и ужасно. Находившийся за четверть мили разъяренный полисмен вызывал участок; рядом до смерти испуганный гражданин разбил стекло пожарного извещателя, вызывая сразу все пожарные команды; в квартире на верхнем этаже близлежащего небоскреба истеричная старая дева по телефону требовала прислать агента государственной безопасности, уверяя, что произошло массовое нарушение введенного запрета на употребление крепких напитков, большевистская революция и побег пациентов из лечебницы «Бельвью».

Шум нарастал. Прибыл первый пожарный расчет, наполнив воскресное утро дымом, кланьем и отражавшимся от высоких стен эхом металлического призыва «всем сохранять спокойствие». Решив, что город постигло бедствие, два перепуганных дьякона тут же приступили к чтению мессы о спасении и послали звонить в колокола Св. Хильды и Св. Антония; звон был немедленно подхвачен у Св. Симона и Св. Послания. Шум был слышен даже вдали, на Хадсон-ривер и Ист-ривер; паромы, буксиры и океанские лайнеры включили сирены и свистки, и звуки поплыли меланхолическими волнами, то изменяясь, то повторяясь, по всему городу, от Риверсайд-драйв до серых туманных низин Ист-Сайда.

А в центре стояло ландо, в нем сидела леди в черном платье и лавандовых перчатках, мило болтая то с одним, то с другим счастливым в парадном костюме, первым сумевшем пробиться к ней на расстояние, достаточное для разговора. Спустя некоторое время беседа ей наскучила и она огляделась.

Зевнув, она попросила стоявшего ближе всех мужчину принести ей стакан воды. Мужчина несколько смутенно принес свои извинения. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он даже не смог бы дотронуться до собственного уха.

Когда послышался рев первых паровых сирен, Оливия пристегнула английской булавкой последнюю деталь пиджачка Артура и огляделась. Мерлин увидел, что она вздрогнула, медленно выпрямилась, как бы окаменев, а затем издала презрительно-удивленное восклицание:

– Это она! О, Господи!

Бросив на Мерлина быстрый взгляд, в котором смешались боль и укор, она без лишних слов одной рукой схватила в охапку маленького Артура, а другой – мужа, и почти галопом начала стремительное движение сквозь толпу. По какой-то причине все перед ней расступались; по какой-то причине ей удалось не потерять ни мужа, ни сына; каким-то образом ей удалось миновать два квартала и в слегка растрепанном виде выйти на свободное пространство, где, не замедляя шага, она свернула на боковую улицу. Только тут, когда гомон толпы превратился в неясный и далекий шум, она сбавила шаг и поставила Артура на ноги.

– Даже Пасха не помеха! Ни стыда, ни совести!

Вот и все, что она сказала. Ничего больше. Она сказала это Артуру и до конца дня разговаривала только с Артуром. Во время бегства по какой-то непонятной эзотерической причине она так ни разу и не взглянула на мужа.

IV

Годы, проходящие между тридцатью пятью и шестьдесятю пятью, напоминают пассивному разуму поездку на какой-то бессмысленной карусели. А лошади на этой карусели спотыкающиеся и обветренные, яркие краски со временем посерели и почернели, и поездка лишь туманит разум, кружит голову и совсем не похожа на карусели детства или отрочества, и уж точно не походит на стремительные и головокружительные «американские горки» юности. Для

большинства людей эти тридцать лет означают постепенный уход от жизни, отступление сначала с линии фронта со множеством укреплений – мириад развлечений и увлечений юности – на рубежи с их уменьшающимся количеством, по мере того, как мы сводим свои амбиции к знаменателю одной-единственной амбиции, свои развлечения – к единственному развлечению, своих друзей – к узкому кругу тех, кого мы еще можем терпеть; все заканчивается в уединенном пустынном укреплении, которое и вовсе даже не крепкое: там отвратительно свистят снаряды, но мы их уже едва слышим – потому что, испуганные и усталые, просто сидим и ждем смерти.

Итак, к сорока годам Мерлин почти не отличался от себя тридцатипятилетнего: чуть больший живот, седина на висках, походка чуть менее живая, чем прежде. В сорок пять он изменился еще меньше по сравнению с сорока: лишь слегка оглох на левое ухо. Но к пятидесяти пяти процесс пошел как необратимая химическая реакция с нарастающей скоростью. С каждым годом в глазах членов своей семьи он все более превращался в «старика», почти что дряхлого, если сравнивать с женой. К этому времени он стал единственным владельцем книжного магазина. Непостижимый мистер Мунлайт Квилл умер лет пять назад, жена пережила его ненадолго, и магазин вместе со складом был завещан ему – здесь и проводил он свои дни, выучив названия практически всего, что было написано человеком за три тысячи лет. Он стал живым каталогом и авторитетом по части тиснения и переплетов, фолио и первых изданий, точным перечнем тысяч авторов, которых он никогда не читал и уж точно никогда не смог бы понять.

В шестьдесят пять у него появилась старческая дрожь. Он приобрел меланхолические привычки пожилого человека, так часто изображаемого в стандартном амплуа «второго старика» викторианской комедии. Он тратил огромное количество времени в поисках положенных не на место очков. Он «пилил» жену, и его пилили в ответ. Он по три или четыре раза в год повторял одни и те же шутки за семейным столом, а также высказывал дикие и нелепые поучения, пытаясь наставить сына на путь истинный. Умственно и физически он настолько отличался от двадцатипятилетнего Мерлина Грейнджера, что казалось совершенно непонятным, как же это он до сих пор еще носит это имя?

Он по-прежнему работал в книжном магазине, взяв молодого помощника, который, конечно же, казался ему сущим бездельником, и новую молоденькую секретаршу, мисс Гэффни. Бухгалтерию все так же вела столь же древняя, как и он сам, мисс Мак-Крекен. Молодой Артур, как и все молодые люди тех лет, торговал облигациями на Уолл-стрит. Все было так, как и должно было быть. Пусть старый Мерлин в меру своих возможностей извлекает из своих книг магию – а молодого короля Артура в книгах интересовали только цифры.

Однажды в четыре часа вечера, когда он в шлепанцах на мягкой подошве бесшумно проскользнул на верхний этаж магазина, собираясь предаться своей новой привычке – которой, честно говоря, немного стыдился – а именно пошпионить за юным клерком, он случайно выглянул в окно и стал близоруко рассматривать улицу. У обочины остановился большой, солидный и впечатляющий лимузин, шофер которого, выйдя и получив какие-то указания от сидевших на заднем сиденье пассажиров, развернулся и с недоумением на лице направился ко входу в «Перо Луны». Отворив дверь, он вошел внутрь, окинул неуверенным взглядом старика в войлочной тюбетейке и обратился к нему низким, пасмурным голосом – слова будто доносились из тумана.

– А вы... вы торгуете заданиями?

Мерлин утвердительно кивнул.

– Учебники стоят вон там.

Шофер снял кепку и почесал коротко стриженную макушку.

– Да не. Мне надо дитектиф. – Он махнул рукой по направлению к лимузину. – Она видала в газете. Первое задание.

Мерлин заинтересовался. Кажется, намечалась выгодная сделка.

– Издание? Да, мы давали объявление о первых изданиях, но... детективы... что-то не припомню... А как называлась книга?

– Да не помню. Про уголовников.

– Про преступников? У нас есть... вот, «Преступления семьи Борджиа», сафьяновый переплет, Лондон, 1769, отличная сохра...

– Не, – перебил шофер, – там был один преступник. Она видала в газете, что у вас есть в продаже.

С видом знатока он отверг еще несколько предложенных названий.

– Сиплый Баварец, – неожиданно объявил он после недолгой паузы.

– Что? – переспросил Мерлин, подумав, что последовал комментарий по поводу его голоса.

– Сиплый Баварец. Тот парень, который преступник!

– Сиплый Баварец?

– Сиплый Баварец. Немец, наверно.

Мерлин задумчиво погладил седую растительность на подбородке.

– Черт возьми, мистер, – продолжил потенциальный покупатель, – если вы не желаете, чтобы на меня наорали лишний раз, подумайте хорошенько. Старуха звереет, если что-то не получается сразу.

Но у Мерлина не возникло ни одной ассоциации по поводу Сиплого Баварца; не увенчался успехом и тщательный осмотр полок, так что через пять минут удрученный возница был вынужден вернуться к своей госпоже. Сквозь витрину Мерлин мог наблюдать зримые признаки ужасного шума, поднявшегося внутри лимузина. Шофер напрасно умолял, разводил руками и пожимал плечами в знак своей невиновности, поскольку, когда он развернулся и снова занял место у руля, выражение его лица было ничуть не менее удрученным.

После этого открылась задняя дверца лимузина и появился тощий бледный молодой человек лет двадцати, одетый по последней моде, с невесомой тросточкой в руке. Он вошел в магазин, прошествовал мимо Мерлина, вытащил сигарету и закурил. Мерлин подошел поближе.

– Чем могу служить, сэр?

– Почтенный, – холодно ответил юнец, – вот что мне нужно от вас: во-первых, не мешайте мне здесь курить, пока меня не видит та престарелая леди в лимузине, приходящаяся мне бабушкой. Поступление к ней сведений о том, что я курю до моего совершеннолетия, обойдется мне в пять тысяч долларов. Во-вторых, принесите первое издание «Преступления Сильвестра Бонара», о котором вы давали объявление в субботней «Таймс». Моей бабушке взбрело в голову избавить вас от этой макулатуры.

Детектив! Про преступников! «Сиплый Баварец»! Все стало ясно. С легким извиняющимся смешком, как бы говоря, что он мог бы получить удовольствие от этой истории, жаль только, что по ходу жизни он не приобрел привычку получать удовольствие хоть от чего-то, Мерлин проковылял в заднюю комнату, где хранились его сокровища, включая и последнее капиталовложение, доставшееся ему сравнительно дешево на распродаже крупной коллекции.

Когда он принес книгу, молодой человек с явным удовольствием затягивался сигаретой и выпускал дым изо рта.

– Боже мой! – произнес он. – Она не спускает с меня глаз целыми днями, заваливая всякими идиотскими поручениями! Я не курил уже шесть часов! Куда катится этот мир, спрашиваю я вас, если слабая старушонка, которой уже опять пора питаться молочком, может диктовать мужчине условия, касающиеся его личных вредных привычек?! Не чувствую в себе ни малейшего желания повиноваться. Покажите книгу.

Мерлин аккуратно передал ему книгу, и молодой человек, открыв ее так небрежно, что сердце книгопродавца подпрыгнуло, стал мусолить страницы большим пальцем.

– Совсем без картинок, да? – прокомментировал он. – Ну что ж, почтенный, какова ваша цена? Называйте! Мы готовы хорошо заплатить, хотя я и не знаю почему.

– Сто долларов, – нахмурившись, произнес Мерлин.

Молодой человек изумленно присвистнул.

– Чего?! Имейте в виду, я не с ранчо и у меня нет мешка с золотом. Я всю жизнь прожил в городе, да и моя бабушка тоже из городских, хотя, признаю, для того, чтобы она была в исправности, требуются особые ассигнования. Даю двадцать пять долларов, и позволю себе подчеркнуть, что это щедро. У нас на чердаке куча книг – лежат рядом с моими игрушками, – которые были написаны тогда, когда старикана, написавшего эту, еще на свете не было!

Суровый и педантичный Мерлин в ужасе замер.

– Ваша бабушка выдала вам двадцать пять долларов на эту покупку?

– Нет. Она выдала мне пятьдесят, но ждет сдачу. Уж я-то ее знаю!

– Передайте ей, – с достоинством сказал Мерлин, – что она упустила выгодное предложение.

– Даю сорок, – настаивал молодой человек. – Ну же, соглашайтесь! Будьте благоразумны и не грабьте нас...

Мерлин развернулся с драгоценным томом под мышкой и собрался было вернуть его в специальный шкаф в конторе, но тут случилось нечто неожиданное. Входная дверь не то чтобы бесшумно открылась, а, лучше сказать, растворилась, впуслав в темное помещение облаченное в черный шелк и меха царственное видение, быстро направившееся к продавцу. Сигарета выпала из пальцев юного горожанина, он издал невольный возглас «Черт побери!» – но явление, как ни странно, произвело куда больший неожиданный эффект на Мерлина, который выпустил из рук свое сокровище, присоединившееся к сигарете на полу. Перед ним стояла Каролина.

Она была старухой – замечательно сохранившейся, необычайно красивой, с прямой спиной, но все же старухой. Волосы были седыми, потерявшими былую густоту. Они были тщательно уложены и украшены драгоценностями; на ее лице, лишь слегка припудренном, как и положено «la grande dame», виднелась сетка морщин, особенно у глаз – две глубокие складки пролегли от носа к уголкам губ. Взгляд был тусклым, болезненным и брюзгливым.

Но это, без сомнений, была Каролина: это были ее черты, хоть и разрушенные временем; это была ее фигура, пусть ставшая хрупкой и малоподвижной; это была ее манера держаться, безошибочно узнаваемая в смеси восхитительной дерзости и завидной самоуверенности; и, кроме всего прочего, это был ее голос, пусть надтреснутый и дрожащий, но все еще сохранивший ту нотку, которая могла заставить любого шофера пожалеть, что он не сидит за рулем мусоровоза, и стать причиной падения сигарет из рук возвращенных в черте города внуков.

Она остановилась и принялась. Ее взгляд упал на валявшуюся на полу сигарету.

– Что это? – воскликнула она. Это был не вопрос – это была литания подозрения, обвинения, доказательства и приговора. Все заняло одно лишь мгновение. – Немедленно выпрямись, – сказала она внуку, – выпрямись и выпусти весь этот никотин из своих легких!

Молодой человек испуганно посмотрел на нее.

– Выдыхай! – скомандовала она.

Он чуть сжал слабые губы и выдохнул.

– Выдыхай! – повторила она тоном, не терпящим возражений.

Он снова выдохнул, беспомощный и нелепый.

– Ты отдаешь себе отчет в том, – резко продолжила она, – что за пять минут потерял пять тысяч долларов?

Мерлин на мгновение подумал, что сейчас молодой человек упадет на колени и станет молить пощадить его, но такова уж человеческая гордость – он так и остался стоять, даже еще раз выдохнул, отчасти от нервов, отчасти – без сомнений – в тщетной надежде вновь снискать расположение родственницы.

– Что за осел! – воскликнула Каролина. – Еще раз, один только раз – и ты покинешь университет и отправишься работать!

Угроза настолько потрясла молодого человека, что он стал еще более бледным, еще бледнее, чем от природы. Но Каролина еще не закончила:

– Думаете, я не знаю, что ты, твои братья, да и твой глупый папаша, думаете обо мне? А я прекрасно знаю. Вы думаете, что я дряхлая развалина! Вы думаете, что меня от ветра шатает? Не дождетесь! – Она стукнула себя в грудь кулаком, как бы демонстрируя крепость мускулатуры. – А что касается мозгов, так у меня их будет больше, даже когда вы меня в гроб положите, чем у вас у всех, вместе взятых!

– Бабушка...

– А ну тихо, ты, тощий юнец! Да если бы не мои деньги, лучшее, что из тебя могло бы выйти, – это цирюльник в Бронксе! Посмотри на свои руки! Тьфу! Руки цирюльника! И ты еще осмелился считать, что умнее меня – меня, за которой когда-то ухаживало три графа, один герцог и еще полдюжины папских наместников, примчавшихся за мной из Рима в Нью-Йорк. – Она замолчала и, переведя дыхание: – Выпрямиться! Выдыхай!

Молодой человек послушно выдохнул. В этот момент открылась дверь и в магазин ворвался взволнованный джентльмен среднего возраста. Его пальто и шляпа были отделаны мехом; более того, казалось, что тем же мехом были отделаны его верхняя губа и подбородок. Он бросился к Каролине.

– Вот вы где! – воскликнул он. – Обыскал весь город. Звонил вам домой, секретарь сказал, что вы, кажется, направились в книжный магазин «Перо»...

Каролина раздраженно посмотрела на него.

– Я наняла вас, чтобы слушать ваши умозаключения? – оборвала его она. – Вы сыщик или брокер?

– Брокер, – признался меховой человек, слегка опешив. – Прошу прощения. Те акции фонографической компании. Могу продать за сто пять.

– Так продавайте.

– Очень хорошо. Я думал, я лучше...

– Продавайте! Я разговариваю со своим внуком.

– Очень хорошо. Я...

– Всего доброго.

– Всего доброго, мадам, – меховой человек поклонился и в некотором смятении покинул магазин.

– Что касается тебя, – сказала Каролина, снова посмотрев на внука, – стой где стоишь и ведай себя тихо.

Она повернулась к Мерлину и окинула его уже не таким суровым взглядом. Затем она улыбнулась – и он понял, что тоже улыбнулся. Сейчас же они оба разразились надтреснутым, но от этого не менее неожиданным, смехом. Она схватила его за руку и увлекла за собой в дальний конец магазина. Там они остановились, посмотрели друг на друга – и случился еще один приступ старческого веселья.

– Только так, – еле смогла со злобным торжеством произнести она. – Единственное, что доставляет удовольствие таким старухам, как я, – это чувство, что я могу заставить всех плясать под свою дудку. Быть старой, богатой и иметь бедных наследников так же здорово, как быть юной, красивой и иметь сестер-дурнушек.

– Да уж, – хихикнул Мерлин. – Знаю. Завидую вам.

Она кивнула, прищурившись.

– Я была здесь последний раз сорок лет назад, – сказала она. – Вы были молодым человеком, и вы были готовы служить по первому знаку!

– Вы правы, – признал он.

– Мой визит, должно быть, вам запомнился.

– На всю жизнь! – воскликнул он. – Я думал... Я думал поначалу, что вы были настоящей – человеком из плоти и крови, я хотел сказать.

Она рассмеялась.

– Многие думали, что во мне нет ничего человеческого.

– А теперь, – с волнением продолжил Мерлин, – я понимаю. Нам, старикам, позволено все понимать – ведь ничего уже не имеет особого смысла. Теперь мне ясно, что тогда, когда я смотрел, как вы танцевали на столе, вы были всего лишь моей романтической грезой о порочной и прекрасной даме.

Казалось, она была где-то далеко, и ее голос прозвучал, как эхо забытого сна.

– О, как я танцевала в тот вечер! Я помню...

– Вы были для меня искушением. Я был уже почти в объятиях Оливии – а вы шептали о том, что я должен быть свободен и сполна насладиться своей юностью и легкомыслием. Но, кажется, чары в последний момент не подействовали. Все произошло слишком поздно.

– Вы очень стары, – с непроницаемым выражением произнесла она. – Я и не думала...

– Я помню, что вы сделали для меня, когда мне было тридцать пять. Вы потрясли меня, перекрыв тогда движение на улице. Это выглядело так величественно. Красота и сила, которые вы излучали! Даже моя жена смогла вас увидеть – и она вас испугалась! Несколько недель после этого мне хотелось ускользнуть из дома в темноту и утопить скуку существования в джазе, коктейлях и женщине, которая вернула бы мне молодость. Но потом... я уже больше не знал, как это сделать...

– А теперь вы так стары...

С благоговейным страхом она отшатнулась от него.

– Да, оставьте меня! – воскликнул он. – Вы тоже постарели! Дух пропадает вместе с упругостью кожи. Вы пришли сюда только затем, чтобы напомнить мне о том, о чем мне лучше было бы забыть: что быть старым и бедным хуже, чем старым и богатым, что мой сын имеет право швырнуть мне в лицо, что я старый неудачник?

– Давайте мне мою книгу, – хрипло приказала она. – Поспешите, старик!

Мерлин еще раз взглянул на нее и покорно подчинился. Он поднял книгу и подал ей, покачивая головой, когда она протянула ему деньги.

– К чему притворяться, что вы готовы мне заплатить? Когда-то, именно здесь, вы разрушили всю мою жизнь.

– Да, – гневно промолвила она, – и я рада. Очень может быть, что именно здесь было сделано все, чтобы разрушить мою жизнь!

Она бросила на него взгляд, в котором читалось презрение, но в то же время и плохо скрытая неловкость, – и, бросив внуку короткое приказание следовать за собой, пошла к двери.

И она удалилась из его магазина и из его жизни. Скрипнула дверь. Вздохнув, он вернулся и мелкими шажками направился к стеклянной перегородке, за которой хранились пожелтевшие документы и умудренная годами, морщинистая мисс Мак-Крекен.

Мерлин взглянул в ее высохшее, усыпанное морщинами лицо с какой-то непонятной жалостью. Она-то, в любом случае, получила от жизни гораздо меньше, чем он. Никакой бунтарский романтический дух, являющийся лишь избранным, не приносил ей незабываемых впечатлений, не вносил в ее жизнь «изюминку» и восторг.

Мисс Мак-Крекен подняла голову от бумаг и спросила:

– Ну как старушка? Все такая же скандальная?

Мерлин вздрогнул.

– Кто?

– Старая добрая Алисия Дэйр... Ах да, она ведь уже давно миссис Томас Аллердайс – вышла за него лет тридцать назад.

– Что? Я вас не понимаю, – Мерлин с широко раскрытыми от неожиданности глазами рухнул на вращающийся стул.

– Ну как же, мистер Грейнджер, не говорите мне только, что вы ничего о ней не слышали – десять лет она была главной достопримечательностью Нью-Йорка. Ну как же... А когда шел бракоразводный процесс с Трокмортонем, ее появление на Пятой авеню привлекло столько зевак, что там даже остановилось движение. Разве вы не читали об этом в газетах?

– Я никогда не читал газеты, – его дряхлая голова начала кружиться.

– Хорошо, но как вы могли забыть тот случай, когда она появилась прямо здесь и разнесла магазин? Позвольте заметить, что после этого я почти была готова попросить у мистера Мунлайта Квилла расчет и уволиться!

– Вы хотите сказать... вы ее видели?

– Видела?! Тут стоял такой шум, что ее сложно было не заметить. Видит Бог, мистер Мунлайт Квилл был не в восторге, но, конечно же, он не сказал ни слова. Он просто свихнулся на ней, а она крутила им, как хотела. Как только он отказывался выполнить какой-нибудь ее каприз, она сразу же грозила рассказать обо всем его жене. Поделом же ему было. Только подумать, такой человек упал к ногам смазливой авантюристки! Ну, конечно, у него никогда не было столько денег, сколько было нужно ей, хотя магазин тогда приносил вполне прилично.

– Но, когда я видел ее, – запинаясь, произнес Мерлин, – то есть, когда я думал, что видел ее, она жила со своей матерью.

– Матерью... Какая чушь! – с негодованием ответила мисс Мак-Крекен. – С ней была женщина, которую она звала «тетушкой» и которая была ей такая же родня, как и я. Да, она была порочной – но умной. Сразу же после развода с Трокмортонем она вышла за Томаса Аллердайса и обеспечила себя на всю жизнь.

– Да кто она такая? – воскликнул Мерлин. – Ради Бога, скажите мне – она что, ведьма?!

– Ну как сказать... Ее звали Алисия Дэйр; само собой, она была танцовщицей. В те времена ее портрет красовался в каждой газете.

Мерлин затих. Умственное напряжение неожиданно прошло, шум утих. Без сомнения, теперь он был стар, так стар, что было невозможно даже представить, что и он когда-то был молодым; так стар, что мир уже потерял романтический ореол, который ушел навсегда даже с лиц детей и ощущения простых радостей жизни – например, тепла и комфорта. Ему больше уже не хотелось улыбаться или сидеть у окна весенним вечером, прислушиваясь к крикам ребятишек, постепенно засыпая и во сне слыша, как приятели из детства зовут его на улицу играть, пока совсем не стемнело. Он был слишком стар даже для воспоминаний.

Вечером он ужинал вместе с женой и сыном, пользовавшимися им для каких-то своих неясных целей. Оливия сказала:

– Не сиди как мумия. Скажи хоть что-нибудь.

– Пусть лучше молчит, – взмолился Артур. – Только дай волю, он расскажет нам историю, которую мы слышали уже раз сто.

В девять Мерлин очень тихо поднялся наверх. Оказавшись в своей комнате и плотно закрыв дверь, он замер на мгновение. Его немощное тело задрожало. Он понял, каким дураком был всю свою жизнь.

– О, рыжая ведьма!

Но было слишком поздно. Отвергнув слишком много искушений, он разгневал Провидение. И не осталось больше ничего, кроме небес, где он встретит только себе подобных, впуская потративших жизнь.

Лекарь

I

Каждый день около пяти вечера унылая овальная зала отеля «Ритц» преобразается от звуков необычной мелодии: сначала раздаются едва слышные звуки погружения в чашку одного кусочка сахара, а за ним и второго, затем слышится слабый звон восседающих на серебряных подносах и грациозно покачивающихся в движении сияющих чайников и молочников. Многим этот янтарный час кажется прекраснее всех остальных. В этот час исчезает слабый и приятный аромат лилий, населяющий «Ритц», и перед вашими глазами начинает разворачиваться поющий и праздничный остаток дня.

Если бы однажды весенним вечером вы обвели взглядом слегка приподнятую подкову балкона, то наверняка заметили бы сидящих за столиком для двоих юную миссис Карр и юную миссис Хэмпл. Та, что в платье, это миссис Хэмпл, и когда я говорю «платье», то имею в виду безупречного покроя одеяние с большими пуговицами и маленьким, почти незаметным, красным шарфиком на плечах – одеяние, которое едва уловимо, но в полном соответствии с замыслом, рожденным в модном ателье на рю де ла Пэ, копировало облачение французских кардиналов. Миссис Карр и миссис Хэмпл было по двадцать три года, и даже враги сходились во мнении, что они обе неплохо устроились. Каждую из них у дверей отеля мог бы ожидать собственный лимузин, но в эти апрельские сумерки они единодушно предпочитали ходить до дома пешком – разумеется, если путь лежал по Парк-авеню.

Луэлла Хэмпл была высока ростом, ее волосы были того самого соломенного цвета, который, по общему – жаль, что неверному – мнению, присущ всем английским девушкам из глубинки. Лицо излучало свет молодости и не требовало никаких дополнительных украшений, однако допотопная мода – шел 1920 год – заставила ее напудрить румяные щеки, раскрасить губы и нарисовать новые брови, что, как и любое ненужное вмешательство, вряд ли можно было считать успешным. Конечно, это если оценивать с точки зрения 1925 года – в ту пору такая внешность производила совершенно правильный эффект.

– Я уже три года замужем, – говорила она, расплющивая окурочек о выжатую половинку лимона. – Завтра ребенку исполнится два года. Надо не забыть купить...

Она вытащила из сумочки маленький золотой карандашик и записала в миниатюрный розовый блокнот: «свечки, погремушки и бумажные колпачки». Закончив писать, она взглянула на миссис Карр и замялась.

– Хочу тебе рассказать кое-что эпатажное!

– Ладно, – с улыбкой ответила миссис Карр.

– Меня раздражает даже мой ребенок! Это звучит ненормально, но знаешь, Ида, – это действительно так! Он вовсе не заполняет всю мою жизнь. Я люблю его всем сердцем, но когда мне приходится проводить с ним весь вечер, я так злюсь, что готова просто вопить от ярости. Уже через пару часов я начинаю молиться, чтобы нянька пришла ну хоть на минутку раньше!

Сделав такое признание, Луэлла вздохнула и внимательно посмотрела на подругу. Она чувствовала себя совершенно нормально. Это была правда. А в правде не может быть ничего плохого.

– Может, это потому, что ты уже не любишь Чарльза? – равнодушно предположила миссис Карр.

– Но я ведь люблю! Не думала, что у тебя создается такое впечатление после всей моей болтовни, – про себя она решила, что Ида Карр умом не блещет. – Именно то, что я люблю

Чарльза, все и усложняет! Вчера я проплакала весь вечер, потому что поняла, что мы медленно, но верно движемся к разводу. Мы все еще вместе только из-за ребенка.

Ида Карр, которая была замужем уже пять лет, посмотрела на нее критически, пытаясь определить, не поза ли все это, – но взгляд Луэллы был серьезен и печален.

– А в чем причина? – осведомилась Ида.

– Их несколько, – нахмурившись, ответила Луэлла. – Первая – это готовка. Я плохая хозяйка, и не имею никакого желания превращаться в хорошую. Я ненавижу покупать продукты, я ненавижу ходить на кухню и проверять, вычищен ли ледник, и я ненавижу притворяться перед слугами, что мне интересно, чем они занимаются, потому что на самом деле я даже слышать не хочу о еде до тех пор, пока она не появится на столе. Понимаешь, я никогда не училась готовить, и поэтому на кухне мне так же интересно, как ... ну, я не знаю, в бойлерной! Это просто машина, и я не понимаю, как она работает. Легко сказать: «Запишись на курсы домохозяек», как в журналах пишут – но, Ида, а кто в реальной жизни смог превратиться в «мать семейства», если обстоятельства не заставляли?

– Продолжай, – уклонилась от ответа Ида. – Рассказывай дальше.

– Ну так вот, и в результате в доме царит бардак! Слуги меняются каждую неделю. Если они молодые и неопытные, я не могу их ничему научить, поэтому приходится их увольнять. Если опыт у них есть, то они начинают ненавидеть дом, в котором хозяйка не проявляет повышенного интереса к цене спаржи. Они увольняются – а нам постоянно приходится питаться в ресторанах и кафе.

– Не думаю, что Чарльз в восторге.

– Да просто в бешенстве! И вообще, он ненавидит все, что мне нравится. Он равнодушен к театру, ненавидит оперу, ненавидит танцы, ненавидит вечеринки – иногда мне кажется, что он ненавидит все лучшее в мире. Я больше года просидела дома. Пока вынашивала Чака и пока его кормила. Ну, тут ничего не поделаешь. А в этом году я открыто заявила Чарльзу, что еще молода и хочу повеселиться. И теперь мы станем появляться в обществе, хочется ему этого или нет. – Она на мгновение задумалась. – Мне так его жалко, Ида, я не знаю, что делать, – но если мы будем сидеть дома, тогда мне будет жалко себя. Скажу тебе правду – по мне, пусть лучше ему будет плохо, чем мне!

Луэлла больше думала вслух, чем рассказывала историю. Она всегда гордилась своей прямоотой. До свадьбы кавалеры часто говорили ей, что она «всегда играет честно», и она постаралась сохранить эту прямооту и в браке. Поэтому точку зрения Чарльза она видела так же ясно, как и свою собственную.

Будь она женой пионера фронта, она наверняка стала бы бороться за существование бок о бок с мужем. Но здесь, в Нью-Йорке, никаких войн не предвиделось. Им не нужно было вместе бороться за грядущий мир и досуг – и того, и другого у них было в избытке. Луэлла, как и несколько тысяч подобных ей юных жен из Нью-Йорка, желала занять себя хоть чем-нибудь. Будь у нее чуточку больше денег и чуточку меньше любви, она бы наверняка увлеклась скачками или интрижками на стороне. А если бы денег у них было чуть меньше, ее лишняя энергия поглощалась бы надеждой, а возможно, и каким-нибудь предприятием. Но семья Чарльза Хэмпла находилась где-то посередине. Они принадлежали к тому огромному классу американского общества, который каждое лето проводит в Европе, с легкой завистью и жалостью к себе посмеиваясь над обычаями, традициями и укладом других стран, потому что своих традиций, обычаев и уклада у них нет. Этот класс появился буквально вчера, от отцов и матерей, которые с таким же успехом могли бы жить и двести лет назад.

Час вечернего чая неожиданно превратился в час перед ужином. Большинство столиков освободилось, в помещении слышались лишь резкие одиночные голоса и далекий внезапный смех, а в одном углу официанты даже начали застилать столы скатертями, готовясь к ужину.

– Чарльз и я действуем друг другу на нервы. – В наступившей тишине голос Луэллы прозвенел изумительно чисто, и она стала говорить потише. – Мелочи! Он постоянно потирает лицо рукой – все время, за столом, в театре и даже в постели! Не могу на это смотреть, а когда такие вещи тебя раздражают, это означает, что конец уже близок. – Она резко замолчала, откинувшись на спинку стула и накинута на шею легкое меховое боа. – Надеюсь, что не надоела тебе, Ида. Сегодня только об этом и могу разговаривать, сегодня вечером все и решится. Меня пригласили на ужин – очень интересная компания, ужин после спектакля, будут какие-то русские, певцы или танцоры, не знаю, а Чарльз сказал, что не пойдет. Если не пойдет – тогда пойду одна. И это будет конец!

Неожиданно она оперлась локтями о стол и, закрыв глаза руками в гладких перчатках, принялась рыдать, тихо и настырно. Рядом не было никого, кто мог бы их видеть, но Ида Карр подумала, что лучше бы она все-таки сняла перчатки. Тогда она смогла бы протянуть к ней руку и дотронуться до ее руки в качестве утешения. Но перчатки символизировали, как трудно сочувствовать женщине, которой жизнь дала столь много. Ида могла бы сказать, что «все образуется», что «все не так уж плохо», но не сказала ничего. Единственной реакцией стали раздражение и неприязнь.

Рядом появился официант и положил на столик книжечку со счетом. Миссис Карр протянула руку.

– Ни в коем случае, – отрывисто пробормотала Луэлла. – Нет, я же тебя пригласила! Сейчас, вот деньги.

II

Собственная квартира Хэмплов располагалась в одном из тех белых дворцов, что выглядят все на одно лицо и различаются лишь по номерам, а не по именам. Они обставляли ее во время медового месяца, съездив за шкафами в Англию, за всякими безделушками – во Флоренцию, за легкими кружевными и прозрачными тканевыми занавесками, а также за разноцветной стеклянной посудой, выставившейся на стол для гостей, – в Венецию. Луэлле очень понравилось выбирать обстановку в медовый месяц. Поездка обрела цель и поэтому не напоминала унылое блуждание из отеля в отель с перерывом на осмотр очередной пустынной руины, чем обычно грешат все медовые месяцы в Европе.

Они вернулись домой, и жизнь пошла на широкую ногу. Луэлла обнаружила, что она – богатая дама. Иногда она сама поражалась, что и обставленная по ее вкусу квартира, и специально собранный на заказ лимузин – прямо как на картинке в «Лэдииз Хоум Джоурнал» – все это принадлежит ей так же бесспорно, как и заложенный загородный домик с прошлогодним авто, которые могла бы преподнести ей вместо всего этого судьба. Но еще больше она была поражена, заметив, что все это ей стало надоедать. Но ведь это было действительно так!

В семь вечера она появилась на пороге в последних лучах апрельского солнца, прошла в холл и увидела мужа, сидевшего в гостиной у камина. Она молча вошла, беззвучно закрыла за собой дверь и остановилась, глядя на него сквозь дверной проем небольшого салона на пути в гостиную, любуясь открывавшейся эффектной перспективой дома. Чарльзу Хэмплу было тридцать с лишним, он не выглядел старым, но взгляд его был серьезным, а роскошная отливавшая сталью шевелюра грозила стать белоснежной лет через десять. Все это, да еще глубоко посаженные темно-серые глаза были наиболее примечательными чертами его внешности – женщины всегда находили его волосы жутко романтическими, и Луэлла чаще всего тоже так думала.

Но в данный момент она его немножко ненавидела, потому что прямо у нее на глазах он поднес руку к лицу и стал нервно тереть подбородок и губы. В такие моменты он выглядел абсолютно отстраненным, а периодически она не могла даже расслышать, что он говорит, и

потому была вынуждена постоянно переспрашивать: «Что-что?» Она несколько раз говорила ему об этом, а он недоуменно извинялся. Но он явно не понимал, как сильно эта манера бросалась в глаза и как сильно ее раздражала, раз продолжал это делать. Это противостояние постепенно приобретало такой рискованный оборот, что Луэлла уже боялась о нем разговаривать – любое неосторожное слово могло вызвать неминуемую ссору.

Луэлла бросила перчатки и кошелек на стол. Услышав этот звук, муж обернулся и посмотрел в холл.

– Это ты, дорогая?

– Да, дорогой.

Она вошла в гостиную, обняла его и, как обычно, поцеловала. Чарльз Хэмпл ответил с непривычной церемонностью, а затем медленно развернул жену так, чтобы она увидела противоположный угол комнаты.

– Сегодня у нас гость.

Она, наконец, заметила, что они не одни, и сразу почувствовала сильное облегчение; суровое выражение ее лица смягчилось и сменилось смущенной обаятельной улыбкой. Она протянула руку для знакомства.

– Познакомься, это доктор Мун. Доктор, это моя жена.

К ним подошел мужчина чуть старше ее мужа, с круглым, бледным, чуть морщинистым лицом.

– Добрый вечер, миссис Хэмпл, – произнес он. – Надеюсь, что не помешал вашим планам на вечер.

– О нет! – воскликнула Луэлла. – Я очень рада, что вы зашли к нам поужинать. Мы живем довольно замкнуто.

Одновременно она думала о сегодняшнем приглашении и о том, не устроил ли Чарльз эту топорную ловушку лишь ради того, чтобы удержать ее дома? Если так, то он неудачно выбрал наживку. Этот человек – его лицо, его низкий, спокойный голос, даже его слегка заношенный трехлетний костюм – он весь излучал усталое спокойствие.

Тем не менее, она извинилась и прошла на кухню посмотреть, что готовится на ужин. Как обычно, слуги были новыми, еда была плохо приготовлена и плохо сервирована – завтра надо будет их рассчитать. Она надеялась, что беседу проведет Чарльз – она ненавидела избавляться от слуг. Они то плакали, то грубили, но Чарльз всегда умел найти подход. И, кроме того, мужчин они всегда боялись.

Однако аромат готовящейся на плите пищи подействовал на нее успокаивающе. Луэлла проинструктировала, в какой посуде что подавать, и открыла бутылку драгоценного кьянти, хранившегося в буфете. Затем она пошла к маленькому Чаку, чтобы поцеловать его на ночь.

– Мы себя хорошо вели? – осведомилась она, когда он радостно вскарабкался ей на колени.

– Очень хорошо, – ответила гувернантка. – Мы сегодня долго гуляли в Центральном парке.

– Ну надо же, какой ты у мамочки молодец! – Она упоенно расцеловала его.

– А еще он залез в фонтан, так что пришлось быстро ехать домой, на такси, чтобы переодеть ботиночки и колготки.

– Все правильно. Эй, Чак, подожди, подожди... – Луэлла растегнула и сняла с шеи крупные желтые бусы и дала их ребенку. – Только смотри, не порви мамочкины бусы! – Она повернулась к няне. – Когда он уснет, положите их на трюмо.

Уходя, она почувствовала жалость к своему сыну – его мир пока был маленьким и замкнутым, как и у всех детей, если не считать детей в больших семьях. «Ты мой маленький цветочек», – думала она... но не в те дни, когда приходилось с ним нянчиться. Он был очень

похож на нее, прямо дух захватывало, и жизнь казалась совсем иной, когда она чувствовала, как его сердечко бьется в унисон с ее сердцем.

В своей прелестной спальне с розовыми обоями она занялась лицом, умывшись и заново накрившись. Доктор Мун не заслуживал вечернего платья, и Луэлла почувствовала, что отчего-то устала, несмотря на то, что целый день практически ничего не делала. Она вернулась в гостиную и пригласила всех к ужину.

– У вас прекрасный дом, миссис Хэмпл, – размеренно произнес доктор Мун, – и такой прекрасный мальчик!

– Благодарю вас. Слышать такой комплимент от доктора приятно вдвойне! – Она замялась. – Вы педиатр?

– Нет, я не специалист, – ответил он. – Я, наверное, один из последних врачей общей практики.

– И уж точно последний в Нью-Йорке, – заметил Чарльз. Он начал нервно тереть лицо, и Луэлла старалась не смотреть на него, не отрывая взгляда от доктора Муна. Но, услышав, что сказал Чарльз, она резко на него взглянула.

– Честно говоря, – неожиданно заявил он, – я пригласил доктора Муна к нам потому, что хочу, чтобы он с тобой поговорил.

Луэлла выпрямилась на стуле.

– Поговорил со мной?

– Мы с доктором Муном старые друзья, и я думаю, что он сможет рассказать тебе, Луэлла, кое-что, что тебе необходимо знать.

– Ну... – она было решила засмеяться, но была слишком удивлена и раздосадована. – Честно говоря, не могу понять, о чем ты. Со мной все в порядке. Никогда не чувствовала себя лучше.

Доктор Мун взглянул на Чарльза, спрашивая, можно ли ему вмешаться в разговор. Чарльз в ответ кивнул, а его рука по привычке направилась к подбородку.

– Ваш муж много рассказывал мне о вашей неудовлетворительной совместной жизни, – снова размеренно произнес доктор Мун. – Ему кажется, что я смогу помочь и как-нибудь все поправить.

Лицо Луэллы пылало.

– Я не верю в психоанализ, – холодно ответила она, – и едва ли соглашусь стать объектом исследования.

– И я тоже, – ответил доктор Мун, явно пропустив неприязненный тон мимо ушей. – Я не верю ни во что, кроме себя. Я уже говорил вам, что не специализируюсь ни на чем, и в том числе, с вашего позволения, на каких-то чудных теориях. Я ничего не обещаю.

На мгновение Луэлла задумалась, а не покинуть ли ей комнату? Но безапелляционность рекомендации всколыхнула ее любопытство.

– Понятия не имею, что вам наговорил Чарльз, – едва сдерживаясь, сказала она, – а еще меньше понимаю, почему он это сделал. Но уверяю вас, что наши дела касаются только меня и моего мужа. Если вы не возражаете, доктор Мун, я бы предпочла поговорить о чем-нибудь менее личном.

Доктор Мун вежливо и серьезно кивнул. Он больше не предпринимал попыток вернуться к этой теме, и за обедом воцарилась почти никем не нарушаемая натянутая тишина. Луэлла твердо решила, что, что бы ни случилось, этот гость не нарушит ее планов на вечер. Час назад этого требовала ее независимость, но теперь было просто необходимо бросить какой-нибудь вызов в защиту самоуважения. Она собиралась ненадолго задержаться в гостиной после ужина; затем, когда подадут кофе, она извинится и уйдет одеваться для предстоящей вылазки в свет. Но, когда они вышли из столовой, первым – быстро и неожиданно – улизнул Чарльз.

– Мне нужно написать письмо, – сказал он. – Я скоро к вам присоединюсь.

Не дожидаясь, пока Луэлла сможет дипломатично возразить, он быстро пошел по коридору в свою комнату, и она услышала, как он захлопнул за собой дверь.

Рассерженная и сбита с толку, Луэлла разлила кофе по чашкам и уселась на диване, не отрывая взгляда от камина.

– Не бойтесь меня, миссис Хэмпл, – неожиданно произнес доктор Мун. – Меня заставили против моей воли. Я не свободен в своих действиях...

– Я не боюсь вас, – перебила она. Но она понимала, что лжет. Она немного боялась его, хотя бы потому, что он отнесся к ее неприязни совершенно равнодушно.

– Расскажите мне о вашей проблеме, – спокойно предложил он, как будто и она тоже не была свободна в своих действиях. Он даже не взглянул на нее, и если бы они не находились в комнате один на один, могло бы показаться, что он обращается вовсе не к ней.

Ответ, который вертелся у Луэллы в голове и должен был вот-вот сорваться с губ, был: «Не буду я ничего рассказывать». Но то, что она сказала вслух, поразило ее. Это вылетело спонтанно и, как ей показалось, даже без ее участия.

– Вы что, не видели, как он тер лицо за столом? – с горечью сказала она. – Вы что, ослепли? Он так меня бесит, что я скоро сойду с ума!

– Понимаю, – доктор Мун кивнул головой.

– Неужели вы не заметили, как мне надоел этот дом? – ее грудь вздымалась под платьем, она почти задыхалась. – Неужели не заметно, как мне надоело вести хозяйство, нянчить ребенка – ведь все это будет продолжаться вечно и бесконечно? Я хочу волнения, хочу ажиотажа, и мне все равно, по какому поводу, и все равно, сколько за это придется платить, лишь бы мое сердце билось чаще!

– Понимаю.

Луэлла пришла в ярость оттого, что он заявил, будто понимает. Ее вызов достиг той крайней точки, когда предпочтительнее, чтобы вас никто не понимал. Ей хотелось, чтобы теперь ее судили только по мерке пылкой искренности ее желаний.

– Я пыталась быть хорошей, но больше я пытаться не буду! Если я – одна из тех женщин, которые рушат свою жизнь ни за грош, пусть будет так. Можете звать меня эгоисткой, дурой, и будете правы! Но через пять минут я покину этот дом и стану, наконец, живой!

На этот раз доктор Мун ничего не сказал, но поднял голову, будто прислушиваясь к чему-то происходящему невдалеке.

– Вы никуда не уйдете, – сказал он через некоторое время. – Я уверен, что вы никуда не уйдете.

Луэлла рассмеялась.

– Я ухожу.

Казалось, он не слышал.

– Видите ли, миссис Хэмпл, ваш муж нездоров. Он пытался вести такую жизнь, какая нравится вам, но связанное с таким образом жизни напряжение оказалось для него чрезмерным. Когда он трет губы...

В коридоре послышались тихие шаги, и в комнату на цыпочках вошла испуганная горничная.

– Миссис Хэмпл...

Вздрогнув от неожиданности, Луэлла быстро обернулась.

– Да, слушаю.

– Позвольте вас... – страх стремительно пересилил ее хрупкую выучку. – Миссис Хэмпл, он заболел! Он прибежал в кухню и стал выбрасывать из ледника на пол продукты, а теперь он убежал к себе в комнату, плачет там и поет...

Внезапно и Луэлле стало слышно его голос.

III

У Чарльза Хэмпла случился нервный кризис. За его плечами было двадцать лет практически непрерывного труда, а домашние неприятности стали последней каплей, которая его сломила. Любовь к жене стала ахиллесовой пятой этого, во всех остальных отношениях твердого, умного и организованного человека – он полностью отдавал себе отчет в том, что его жена чересчур эгоистичная особа, однако одной из главных загадок человеческих отношений является тот факт, что на многих мужчин женский эгоизм почему-то действует как зов, от которого не уклониться. Эгоизм Луэллы мирно сосуществовал с ее по-детски наивной красотой, и в результате Чарльз Хэмпл стал считать, что сам виноват в любых ситуациях, даже если они были целиком спровоцированы ею. Такая привязанность была нездоровой, и его разум постепенно помутился в тщетном старании поставить себя на несвойственное ему место. Оправившись от первого шока, почувствовав на мгновение укол жалости, Луэлла отнеслась к создавшемуся положению с раздражением. Она «всегда играла честно» и поэтому не могла воспользоваться преимуществом, которое предоставил ей Чарльз своей болезнью.

Решение вопроса о свободе пришлось отложить до тех пор, пока Чарльз не встанет на ноги. Едва она решила освободиться от обязанностей жены, как тут же ей пришлось возложить на себя еще и обязанности сиделки. Она сидела у его постели, а он в бреду говорил только о ней – об их помолвке, о том, как кто-то из его друзей сказал ему, что он делает ошибку, о том, как он был счастлив сразу же после свадьбы, и о том, как он начал нервничать, когда в отношениях стал намечаться разрыв. Как видно, он чувствовал гораздо больше, чем думала она, и уж точно – больше, чем демонстрировал ей.

– Луэлла! – очнувшись, привставал он на постели. – Луэлла! Где ты?

– Я здесь, Чарльз, рядом с тобой. – Она пыталась говорить спокойно и весело.

– Если ты хочешь уйти, Луэлла, – уходи! Кажется, меня тебе уже стало мало.

Успокаивая его, она отвечала отрицательно.

– Я все обдумал, Луэлла, и понял, что не хочу из-за тебя терять здоровье... – А затем быстро и со страстью: – Не уходи, Луэлла, ради Бога, прошу тебя, не уходи, не бросай меня! Обещай мне, что ты не уйдешь! Я сделаю все, что ты мне скажешь, только не уходи!

Больше всего ее раздражало, как он унижался; он всегда выглядел таким спокойным, и она никогда не догадывалась, до какой степени он ее любит.

– Я выйду только на минутку. Пришел доктор Мун, твой друг, Чарльз. Он обещал сегодня прийти тебя навестить, помнишь? А перед тем, как уйти, он хочет со мной поговорить.

– Ты вернешься? – не отпускал он ее.

– Я совсем ненадолго. Ну вот... лежи спокойно.

Она приподняла его голову и взбила подушку. Завтра пришлют новую опытную сиделку.

В гостиной ждал доктор Мун – его костюм в вечернем свете казался еще более изношенным и потрепанным. Она очень плохо к нему относилась, потому что убедила себя, пусть это и было абсолютно нелогично, что это он каким-то образом стал причиной ее несчастья. Но доктор Мун демонстрировал столь глубокий интерес, что она попросту не могла его не принимать. Однако она даже не попросила его порекомендовать каких-нибудь специалистов – его, доктора, который был буквально под рукой...

– Миссис Хэмпл! – он подался навстречу, протянул руку и Луэлла в знак приветствия неловко, лишь слегка, прикоснулась к ней.

– Вы хорошо выглядите, – сказал он.

– Спасибо, я в порядке.

– Вас можно поздравить – вы прекрасно справляетесь с ситуацией.

– Но я вовсе ни с чем не справляюсь, – холодно ответила она. – Делаю, что должна...

– Вот именно!

В ней сразу же проснулось раздражение.

– Я делаю, что должна, не более того, – продолжала она, – и без всякого желания.

И вдруг она снова стала откровенной, как в тот вечер, когда произошла катастрофа, сознавая, что разговаривает с ним, как со старым другом, сама не понимая почему.

– С хозяйством просто беда, – вырвалось у нее, и она не могла остановиться. – Пришлось рассчитать слуг, а новую служанку пришлют только послезавтра. У ребенка простуда, а я только что обнаружила, что его няня совершенно не справляется со своими обязанностями... Это такой кошмар! Все настолько ужасно, насколько только можно себе представить!

– А не могли бы вы рассказать подробнее, почему вы решили, что няня не справляется со своими обязанностями?

– Много неприятных вещей узнаешь, когда приходится сидеть дома.

Он кивнул, его усталый взгляд скользил по комнате.

– Кажется, есть надежда, – медленно произнес он. – Как я уже говорил, я ничего не обещаю. Я лишь делаю, что могу.

Луэлла с изумлением посмотрела на него.

– О чем вы? – возразила она. – Вы же для меня ничего не сделали – абсолютно ничего!

– Да, пока ничего особенного, – тихо сказал он. – Нужно время, миссис Хэмпл.

Он произнес это сухо и монотонно, обижаться было не на что, однако Луэлла сочла, что он зашел слишком далеко. Она встала.

– Таких, как вы, я уже встречала, – холодно сказала она. – По неизвестной причине такие, как вы, всегда уверены, что являются «старыми друзьями семьи». Но я не завожу друзей на скорую руку, и у вас нет никакого права вмешиваться в мои личные дела, – она хотела добавить «так беспардонно», но не стала.

Когда за ним закрылась дверь, Луэлла прошла на кухню убедиться, что новая кухарка все правильно поняла и готовит три разных обеда – для Чарльза, для ребенка и для нее. Трудно обходиться одной служанкой в такой тяжелой ситуации. Надо бы позвонить в другое агентство по найму – в этом, кажется, к ней уже относятся нехорошо.

К своему удивлению, она обнаружила кухарку в шляпе и пальто, читающей газету за кухонным столом.

– Эй, – Луэлла забыла имя, – послушайте, в чем дело, миссис...?

– Миссис Даньски меня зовут.

– Так в чем дело?

– Боюсь, что не смогу у вас работать, – ответила миссис Даньски. – Видите ли, я обычная кухарка и не умею готовить для больных.

– Но я на вас рассчитывала!

– Мне очень жаль. – Она упрямо покачала головой. – Надо и о своем здоровье думать! Меня даже не предупредили, что это не обычная работа. А когда вы попросили меня убратся в комнату вашего мужа, я сразу поняла, что это мне не по силам.

– Я больше не буду просить вас убираться, – в отчаянии предложила Луэлла. – Пожалуйста, только останьтесь, ну хотя бы до завтра... Я же не смогу подыскать вам замену за один вечер!

Миссис Даньски вежливо улыбнулась.

– Как и у вас, у меня тоже есть дети, о которых тоже надо думать.

Луэлла хотела было предложить повысить плату, но тут она вышла из себя.

– Никогда даже не слышала о подобном эгоизме! – воскликнула она. – Бросить меня одну в такой момент! Старая дура!

– Заплатите мне за полдня, и я уйду, – спокойно сказала миссис Даньски.

– Не заплачу ни цента, если не останетесь!

Ей сразу же стало стыдно, однако гордость не позволила взять угрозу назад.

– Никуда не денетесь, заплатите!

– Дверь там!

– Уйду, когда заплатите, – не отступала возмущенная миссис Даньски. – Мне тоже надо думать о своих детях!

Луэлла резко вдохнула и сделала шаг вперед. Испугавшись ее решимости, миссис Даньски развернулась и бросилась, бормоча угрозы, на улицу.

Луэлла подошла к телефону, набрала номер агентства и объяснила, что служанка ее покинула.

– Можете кого-нибудь прислать прямо сейчас? Муж болен, и еще ребенок заболел...

– Простите, миссис Хэмпл. Уже никого нет. Четыре часа, конец дня.

Луэлла стала спорить. В результате ей пообещали, что попробуют позвонить одной женщине, и, может быть, перезвонят позже. Это было все, что они могли для нее сделать до завтрашнего утра.

Она обзвонила еще несколько агентств, но сегодня в индустрии обслуживания явно произошел сбой. Дав Чарльзу лекарство, она на цыпочках вошла в детскую.

– Как малыш? – отрешенно спросила она.

– Девяносто девять и один, – прошептала няня, держа термометр на свету. – Только что померила.

– Это много? – нахмурившись, спросила Луэлла.

– На три пятых выше нормы. Для вечера не так уж много. Но при простуде температура может резко подняться.

Луэлла подошла к кровати и потрогала рукой пылающую щеку сына, подумав, несмотря на всю свою тревогу, о том, как же он похож на ангелочка в рекламе мыла «Люкс» на автобусах!

Она повернулась к няне.

– Умеете готовить?

– Да, но плохо.

– А сможете приготовить еду ребенку? Эта старая дура ушла, я никого не могу найти, и даже не знаю, что теперь делать.

– Ну конечно, ребенку я приготовить смогу.

– Тогда все в порядке. А я попробую что-нибудь сотворить для мистера Хэмпла. Пожалуйста, оставьте дверь открытой, а то не услышите звонок, когда придет доктор. Откройте ему и позовите меня.

Сколько же докторов... За целый день не было и часа, чтобы в доме не находился хотя бы один врач! Специалист и семейный терапевт приходили каждое утро, затем появлялся педиатр, а сегодня вечером в малой гостиной был и доктор Мун, спокойный, настойчивый, незванный. Луэлла пошла на кухню. Себе она могла пожарить яичницу – раньше она часто так ужинала, придя из театра. Но овощи для Чарльза были совсем другое дело – их надо было варить или тушить или что-то там еще, а в плите, оказывается, было так много каких-то дверок, ручек и конфорок, что она никак не могла выбрать подходящую. Она взяла голубую кастрюлю, которая выглядела поновее, нарезала в нее морковь и налила немного воды. Поставив все на плиту, она попыталась вспомнить, что же делать дальше? И тут зазвонил телефон. Звонили из агентства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.